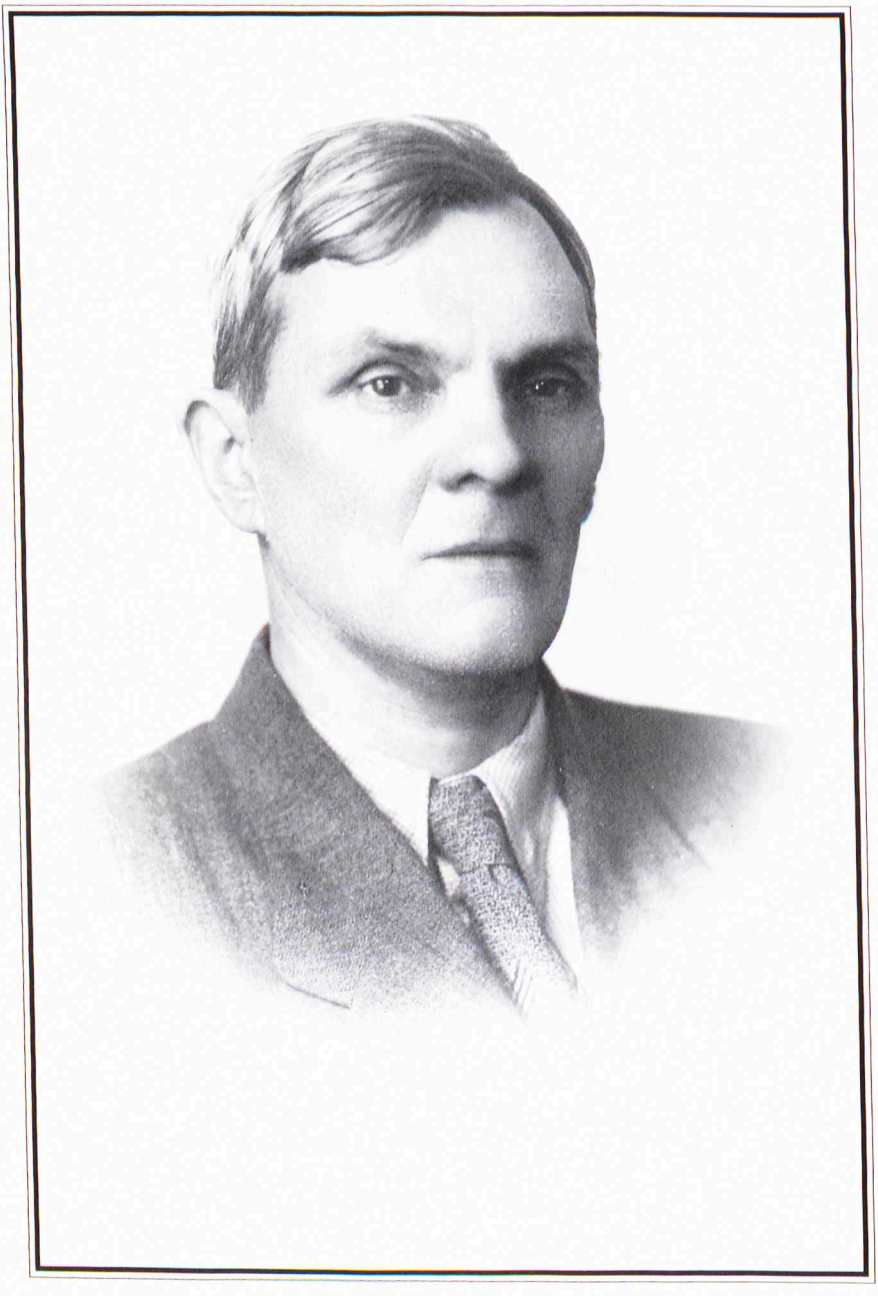

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Исторический факультет

Петр Андреевич ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

СБОРНИК СТАТЕЙ и ВОСПОМИНАНИЙ К СТОЛЕТИЮ ИСТОРИКА

РОССПЭН
Москва
2008

УДК 94(47)(02)“15/19”
ББК 63.3(2)46; 47; 5
317

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 06-01-16119

Составители
д-р ист. наук, проф. Л. Г. Захарова,
д-р ист. наук, проф. С. В. Мироненко,
проф. Т. Эммонс (T. Emmons)

Подготовка текста
д-р ист. наук, проф. Л. Г. Захарова, канд. ист. наук Г. М. Кропоткин,
канд. ист. наук А. В. Мамонов, канд. ист. наук И. А. Христофоров

317 **Петр Андреевич Зайончковский.** Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / [сост. Л. Г. Захарова, С. В. Мироненко, Т. Эммонс] ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 879 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-0938-6

Сборник создан на основе материалов международной конференции, посвященной 100-летию профессора П. А. Зайончковского, состоявшейся в сентябре 2004 г. на историческом факультете МГУ. В нем представлены ранее не публиковавшиеся исследования и письма П. А. Зайончковского, воспоминания о нем его учеников, коллег и друзей, а также научные статьи по проблемам истории императорской России, которыми занимался сам ученый. В приложении приведена библиография основных трудов Зайончковского и его многочисленных учеников.

Издание дает представление о масштабе личности Зайончковского, о значении его трудов для отечественной историографии и мировой русистики, о созданной им Школе.

Сборник рассчитан на специалистов-историков, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также всех интересующихся историей России XVIII – начала XX в.

PREUSSISCHE STAATS-BIBLIOTHEK ZU BERLIN

УДК 94(47)(02)“15/19”
ББК 63.3(2)46; 47; 5

3 A 160504

ISBN 978-5-8243-0938-6

© Зайончковский П. А., наследники, 2008
© Захарова Л. Г., Мироненко С. В., Эммонс Т., составители, 2008
© Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008

Содержание

Предисловие 7

Выступления на пленарном заседании юбилейной конференции

Ю.С. Кукушкин
Петр Андреевич Зайончковский — исследователь и наставник 11

Л.Г. Захарова
Между двумя конференциями, 1994—2004 гг. 13

Б.В. Ананьич
Петр Андреевич Зайончковский — педагог и хранитель культурных ценностей прошлого (взгляд из Петербурга) 17

С.В. Мироненко
Петр Андреевич Зайончковский — ученый и учитель 22

Из неопубликованных рукописей П.А. Зайончковского

П.А. Зайончковский
К вопросу завоевания Средней Азии *(с предисловием В. Брукса)* 29
Письма П.А. Зайончковского Ю.Г. Оксману и Л.Р. Горланову 96

Вспоминая Петра Андреевича...

Л.В. Беловинский
Прогулки с учителем 123

И.Л. Волгин
Нас учили плавать, бросая в воду 132
Из воспоминаний С.С. Гудкова 136

Б.С. Гудков
Дядя Петя 139

Л.Р. Горланов
На семинаре Петра Андреевича Зайончковского 149

Н. Зейфман (Израиль)
Судьба из рук Петра Андреевича 162

В.И. Канатов
Петр Андреевич Зайончковский и энциклопедическое дело 175

Г.Д. Карпов, А.П. Серцова
Ученый и боец 185

З.И. Перегудова
Петр Андреевич Зайончковский в архиве на Пироговке 187

А.П. Шевырев
Петербург–Ленинград в жизни Петра Андреевича Зайончковского 193

А.Д. Яновский
Воспоминания об Учителе 200

К вопросу завоевания Средней Азии

История завоевания Средней Азии до сих пор еще не являлась предметом всестороннего научного изучения. Наиболее полно освещено само завоевание, т. е. военные действия (М.А. Терентьев[1], Н.И. Гродеков[2] и др.[i]). Правительственная политика, касающаяся среднеазиатской проблемы, изучена значительно слабее. Можно указать лишь на одну работу покойного А.Л. Попова «Из истории завоевания Средней Азии» (Исторические записки. № 9), посвященную вопросам политики правительства в период завоевания в 1860—1870 гг.

Настоящая статья посвящена внутриведомственным разногласиям, возникавшим в связи с этим вопросом, т. е. характеристике позиции двух министерств — иностранных дел и военного. Именно министры военный Д.А. Милютин и иностранных дел князь А.М. Горчаков со своими помощниками определяли эту политику. Таким образом, наша статья является своеобразным дополнением к статье А.Л. Попова. Наряду с фондами министерств иностранных дел и военного нами использован ряд личных фондов и, в том числе, в первую очередь материалы фонда Д.А. Милютина, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Часть источников, использованных нами в работе, опубликована в полковником А.Г. Серебряковым в вышедшей в Ташкенте в 1914—1915 гг. его многотомной публикации «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания».

* * *

Уже в пятидесятые годы правительство проявляет огромный интерес к среднеазиатской проблеме, что находило свое выражение в обсуждении этого вопроса как в Особом совещании, так и в Особом комитете. Одним из практических мероприятий этих обсуждений явилась посыл-

[1] *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1—3. СПб., 1906.
[2] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. 1—4. СПб., 1883—1884.

ка двух экспедиций: одной во главе с Н.В. Ханыковым в Афганистан с якобы научными целями, а второй — дипломатической миссии в Хиву и Бухару во главе с русским военным агентом в Лондоне флигель-адъютантом полковником Н.П. Игнатьевым[ii].

Ханыкову было поручено вести переговоры с афганцами по поводу создания федерации среднеазиатских ханств, причем это предложение представляло собою лишь тактический прием со стороны Министерства иностранных дел. Как писал директор Азиатского департамента Е.П. Ковалевский[iii] в записке, составленной в 1859 г., министерство «...высказывало эту мысль... чтобы убедить еще более в желании нашем не ослаблять ханств, но усиливать их, сколько возможно; мы хотели этим доказать, что наш собственный интерес требует того, чтобы поставить оплот завоевательным стремлениям Англии»[1]. Таким образом, здесь правительство руководствовалось двумя соображениями: противодействовать завоевательным планам Англии, во-первых, и уверить правителей среднеазиатских ханств в своем миролюбии, во-вторых, что естественно облегчало бы задачи дальнейшей агрессии.

Экспедиция же Игнатьева направилась первоначально в Хиву, где начались переговоры с ханом[iv] на предмет заключения соглашения, предусматривающего ряд льгот для русской торговли. Однако, вследствие выдвинутых ханом контр-требований, Игнатьев, не добившись никаких результатов, принужден был покинуть ханство, направившись в Бухару. Переговоры с эмиром развивались здесь значительно благоприятнее: все вопросы, касающиеся русской торговли, были решены в положительном духе, причем Игнатьев, в свою очередь, обещал ему помощь России против Коканда и Хивы.

Помимо этих экспедиций, ставивших в той или иной форме своей задачей установление русского влияния в среднеазиатских ханствах, делались и попытки непосредственного захвата части территории Коканда в целях дальнейшего соединения Сибирской и Оренбургской линий[v]. Так, в 1853 г. Оренбургским генерал-губернатором В.А. Перовским было предпринято движение на юг, в результате чего занята Ак-Мечеть. В том же году генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд[vi] поставил вопрос о соединении линий. Однако Особое совещание в начале 1854 г. признало этот проект преждевременным, разрешив Гасфорду лишь занять Заилийскую долину и территорию верховьев реки Чу, следствием чего и явилось создание крепости Верный на реке Алма-Ата в 1854 г.

---

[1] Цит. по: *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. М., 1940. Т. 9. С. 204.

По окончании Крымской войны, в конце 50-х гг., снова возникают различные проекты продвижения в Среднюю Азию. Так, в 1858 г. Оренбургский губернатор А.А. Катенин выдвигает обширный план завоевания среднеазиатской территории, включающий в себя занятие Джулека, Туркестана, Ташкента, а также организации военной экспедиции в Бухару. В то же время Гасфорд предлагал овладеть крепостью Пишпек[vii], а командующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский, в целях противодействия англичанам в Персии и Туркмении, настаивал на занятии одного из пунктов на юго-восточном побережье Каспийского моря и создании там укрепления под видом торговой фактории. Все эти проекты явились предметом специального обсуждения в Особом совещании, заседавшем в начале января 1859 г. Совещание отклонило планы Катенина, признав их преждевременными, но вместе с тем одобрило предложения князя Барятинского, а также предоставило Гасфордту право овладеть Пишпеком, что и было осуществлено им в 1860 г. Попытка же утвердиться на восточном побережье Каспийского моря, из-за противодействия этому англичан, окончилась неудачей.

Так обстоял вопрос в отношении среднеазиатской проблемы к началу государственной деятельности Д.А. Милютина.

* * *

В 1861 г. вновь назначенный оренбургский генерал-губернатор А.П. Безак[viii] выступил с проектом приступить к немедленному соединению линий, имея в виду при этом занятие Туркестана и Ташкента. Этот проект, поддержанный директором Азиатского департамента Е.П. Ковалевским[1], явился предметом обсуждения Особого комитета[2]. Комитет в заседании 3 марта 1862 г. [на котором впервые присутствовал Милютин в качестве его члена] отверг проект Безака, указав при этом, что предложения эти «…не могут быть осуществлены в настоящее время в особенности потому, что распространение Сырдарьинской линии и завоевание Ташкента потребует неминуемо больших расходов, которые в настоящее время исчислить нет возможности и что также нельзя положительно сказать, что после завоевания Ташкента и соединения Оренбургской линии с Сибирской, доходы с присоединенных к России стран покроют расходы…»[3]. Это решение комитета было утверждено Александром II, при-

[1] Е.П. Ковалевский в августе 1861 г. был назначен сенатором, а его место занял Н.П. Игнатьев.

[2] На заседании Особого комитета присутствовали великий князь Константин Николаевич, князь Горчаков, Милютин, Рейтерн, Ковалевский, Игнатьев и Безак.

[3] Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1862 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 12 об. — 13.

чем было предоставлено право произвести рекогносцировки — Безаку в направлении Туркестана, а генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю — в сторону Пишпека[1] и Аулиэ-Ата[ix].

Однако вскоре вопрос о продвижении в Среднюю Азию был снова пересмотрен, причем инициатива в этом, по нашему мнению, принадлежала военному министру Д.А. Милютину, являвшемуся членом Особого комитета. По крайней мере, в заседании Особого комитета 23 февраля 1863 г., на котором обсуждались предложения Безака и Дюгамеля о соединении линий, Милютин играл наиболее активную роль. В начале этого заседания он выступил с пространной речью, доказывая, что «многосторонняя польза соединения двух границ очевидна и не подлежит сомнению…[2] оставаясь на Сыре мы владеем самою бесплодною, самою бедною местностью, тогда как в соседстве — богатый край, изобилующий дарами природы»[3]. Далее Милютин указывал, что, по его мнению, создание независимого Ташкентского ханства, на чем настаивает Дюгамель, представляет большие неудобства, так как избранного нами хана мы должны будем поддерживать и деньгами и силою, что вызовет различные затруднения, а вместе с тем «рано или поздно мы все-таки вынуждены будем овладеть этим краем»[4].

[Таким образом, Милютин выступал горячим сторонником активных действий в Средней Азии.] Однако поддержали его в этом лишь Ковалевский и Безак. Первый из них, указывая на необходимость наступательных действий, подчеркивал целесообразность осуществления этого именно в текущем году, вследствие существующей в Коканде анархии.

Решительным противником активных действий в Средней Азии выступил министр финансов М.Х. Рейтерн. Как завоевание Ташкента и Туркестана, так и соединение линий, — заявил он, — в настоящее время не является целесообразным, так как повлечет за собой большие издержки, осуществить же это, по его мнению, можно лишь тогда, когда наши финансы будут находиться в лучшем состоянии. «Необходимо сосредоточить деятельность и денежные средства Правительства и народа на жизненных вопросах внутренней и внешней политики, — указывал Рейтерн. — Наступательная же политика, а тем более расширение пределов России в странах отдаленных от центра и притом пустынных

[1] После занятия Пишпека в 1860 г. и разрушения крепости русские войска отступили назад.

[2] Цитируемый текст принадлежит не Милютину, а Безаку, что было отмечено П.А. Зайончковским на полях, но не исправлено им в тексте статьи *(прим. ред.)*.

[3] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1863 г. Д. 26. Л. 14—16.

[4] Там же. Л. 16.

или населенных дикими народами, увеличило бы затруднения Правительства и без того уже обремененного неотложными заботами…»[1]. Завоевание этого края, по мнению Рейтерна, было бы лишь тогда целесообразно, когда удалось бы привлечь в него «предприимчивость, капиталы и рабочую силу», а так как в настоящее время всего этого недостаточно, то нет никакого смысла отвлекать их от центра к отдаленным окраинам. Резюмируя все сказанное, Рейтерн приходил к выводу, что «…на время следует отказаться от всех наступательных действий в Средней Азии. Это тем более возможно, что по географическому положению этой страны, нет опасения, чтобы другие европейские державы могли предупредить Россию»[2].

Выступивший после Рейтерна князь А.М. Горчаков заявил, что вполне согласен с ним и считает, что в настоящее время не следует разбрасывать наши силы и нужно воздержаться от каких-либо наступательных действий, вместе с тем князь Горчаков подчеркнул, что в нашей среднеазиатской политике «мы должны сохранять дружественные отношения с нашими соседями»[3].

Генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель заявил, что он является противником наступательных действий, но так как от него требуется содействие Оренбургскому корпусу в деле соединения линий, то, по его мнению, ему целесообразно занять Аулиэ-Ата и создать там укрепление с сильным подвижным резервом. В заключение Дюгамель подчеркнул свое несогласие с Милютиным по вопросу о Ташкенте. «Поставить независимого, но находящегося под нашим влиянием хана в Ташкенте, несравненно для нас легче и во многих отношениях выгоднее, нежели завоевать весь этот край…»[4].

На основе всех высказанных суждений, Особый комитет, указав на целесообразность соединения линий, вместе с тем решил в текущем году это мероприятие не проводить, а также не занимать и Аулиэ-Ата, ограничившись лишь дельнейшим изучением территории, находящейся между линиями, в связи с чем разрешил «…привести в исполнение предположенную рекогносцировку вверх по Сырдарье, при чем однако же стараться по возможности избегать враждебных с кокандцами столкновений, а генерал-губернатору Западной Сибири довершить разрушение Пишпека, не допуская кокандцев возобновлять это укрепление…»[5].

[1] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1863 г. Д. 26. Л. 37 об. — 38.
[2] Там же. Л. 38 об.
[3] Там же. Л. 39.
[4] Там же. Л. 36 — 36 об.
[5] Там же. Л. 41 (?).

Так формулировано это решение в журнале заседаний Особого комитета и в такой форме оно было утверждено Александром II. Однако в действительности решение комитета было несколько иным. В деле Особого комитета сохранилась другая, первоначальная редакция этого решения. Соотношение этих редакций становится понятным благодаря переписке Дюгамеля с директором Азиатского департамента Игнатьевым. Дюгамель в своем письме выражает удивление, что в присланном ему журнале заседаний Особого комитета отсутствует его подпись, в то время как он твердо помнит, что означенный журнал им был подписан. Игнатьев в своем ответе сообщал, что после того как большинство членов комитета подписало журнал заседаний, и Дюгамель уже уехал из Петербурга, «…редакция означенного журнала была снова подвергнута некоторому изменению по настоянию г. Военного министра»[1], причем новая ее редакция «излагает постановление комитета в более общих выражениях и таким образом менее стесняет образ действий генерал-губернаторов Западной Сибири и Оренбургского к предположениям нашим, касающимся Средней Азии»[2]. Вследствие этого, говорит Игнатьев, он и не решился ставить подпись Дюгамеля.

Действительно, первая редакция несколько отличается от последующей. В ней говорится, что в целях как политических, так и торговых сбор более подробных и точных сведений о крае в верховьях Сырдарьи был бы полезен, а потому комитет находит возможным «…разрешить Оренбургскому генерал-губернатору предпринять нынешнею весною предположенную рекогносцировку вверх по реке Сыру, с тем однако, чтоб начальнику экспедиции вменено было в обязанность *отнюдь не предпринимать каких-либо военных действий*[3], а ограничиться собранием сведений о реке, о ближайшей местности, о средствах края и исследовать, можно ли будет этим путем вступить в торговые сношения с кокандцами и облегчить казне содержание гарнизонов на Сырдарьинской линии»[4].

В первой редакции военные действия вовсе не предполагалось предпринимать, в то время как во второй рекомендовалось лишь «избегать по возможности столкновений с кокандцами», что, естественно, давало Безаку право действовать по своему усмотрению. Таким образом, уже в начале 1863 г. Милютин занял определенную позицию — сторонника активных действий в Средней Азии. Об этом говорит также в своей «Автобиографии» и Дюгамель. «Вопрос о расширении наших границ со

[1] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1863 г. Д. 26. Л. 46.
[2] Там же. Л. 47.
[3] Подчеркнуто мною. — *П. З.*.
[4] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1863 г. Д. 26. Л. 39 об.—40.

стороны Средней Азии, — рассказывает Дюгамель, — был снова поставлен на очередь Оренбургским ген.-губернатором Безаком… Само собою разумеется, что Милютин вполне сочувствовал идеям Безака… Так как Государь нашел мое мнение основательным и благоразумным, а князь Горчаков вполне разделял мнение Его Величества, то можно было ожидать, что все завоевательные замыслы будут отложены в сторону… Однако этого не случилось. Г. Милютин не хотел оставаться в положении человека, потерпевшего неудачу, и повел дело так, что через полтора года правительство снова взялось за проект наступления…»[1].

Через три месяца после решения Особого комитета, в конце мая вновь назначенный начальник Сырдарьинской линии полковник М.Г. Черняев, выступив с отрядом для рекогносцировки, занял кокандскую крепость Сузак[x], жители которой «изъявили желание» вступить в русское подданство, т. е., иными словами, объявил ее территорией, находящейся «под покровительством» России. Узнав об этом из донесения Безака, Милютин, естественно, отнесся к этому с полным сочувствием и, сообщая об этом факте князю Горчакову, писал: «Я же, со своей стороны, остаюсь при прежнем мнении, что рано или поздно мы *должны*[2] будем связать наши пограничные линии Оренбургскую и Сибирскую. Связь эта лучше всего установится, если обитающие на этом пространстве племена сами примут подданство России…»[3].

Следовательно, не только факт занятия Сузака, но и образ действий Черняева находил одобрение со стороны военного министра. Далее в этом же письме Милютин указывал еще на одну причину, вызывающую, по его мнению, необходимость активных действий в Средней Азии. «…В случае европейской войны, — писал он, — мы в особенности должны дорожить занятием того края, сближающего нас с Северными пределами Индии и облегчающего нам доступ в эту страну. Владычествуя в Кокане, мы постоянно можем угрожать Ост-Индским владениям Англии. Это тем более важно, что *только здесь*[4] мы и можем быть опасны для этого врага нашего…»[5]. Этот довод, которым руководствовался Милютин на протяжении всей своей государственной деятельности, приобретал особое значение именно в 1863 г., когда возможность войны с Англией, в связи с событиями в Польше, была чрезвычайно реальна. Надо сказать, что и Англия в этот период проявляла

---

[1] *Дюгамель А.О.* Автобиография: (Начата в 1867 г.) // РА. 1885. Кн. 10. С. 161, 163.
[2] Подчеркнуто в тексте документа. — *П.З.*
[3] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1862 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 78 об.
[4] Подчеркнуто в тексте документа. — *П.З.*
[5] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1862 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 79 — 79 об.

большую заинтересованность к среднеазиатским делам. Так, заведующий азиатским делопроизводством департамента Генерального штаба полковник В.А. Полторацкий[xi] в особой записке сообщал директору Азиатского департамента о деятельности в Хиве и Бухаре английских агентов, прибывших туда в конце 1862 г.

Как рассказывает в своих записках генерал Н.Г. Залесов[xii], бывший в это время обер-квартирмейстером Отдельного Оренбургского корпуса, летом 1863 г. он был вызван военным министром в Петербург по вопросу подготовки военных действий на случай возможной войны. «Вам конечно известно, — сказал ему Милютин, — как натянуты теперь наши отношения с западными державами. В случае войны мы ничем не можем вредить Англии в Европе — остается одна Азия. Вы знаете эту страну и потому поможете нам в случае надобности устроить туда экспедицию, если не для вторжения в Индию, то по крайней мере для отвлечения сил англичан из Европы и нанесения их торговым интересам возможно большего вреда»[1]. Милютин предложил Залесову направиться к директору Азиатского департамента Игнатьеву и, ознакомившись у него со всеми подробностями, составить по этому поводу свои соображения.

Описываемое Залесовым событие подтверждается М.Г. Черняевым. Так, в своей записке, представленной им в 1867 г., он, касаясь этого, писал: «Целью движения предполагалось не занятие какой-либо части английских владений, а тем менее изгнание англичан из Индии, но — принудить их усилить там свои войска и тем ослабить в Европе. Вместе с тем имелось в виду, что отправка войск туда потребовала бы весьма значительных расходов, а следовательно увеличения налогов, что неминуемо ведет за собой в Англии восстановление общественного мнения противу правительства, которое тогда по необходимости должно во внешней политике сделаться уступчивым»[2]. Этот рассказ Залесова подтверждается и сохранившейся в архиве Милютина копией шифрованной телеграммы Безаку, в которой Милютин сообщает о том, что Залесов задерживается в Петербурге на несколько дней в связи с разработкой вопроса о военной демонстрации в Средней Азии против Англии, в случае разрыва с ней.

Нам представляется, что именно этим обстоятельством — угрозой войны с Англией, в значительной степени объяснялось изменение позиции князя Горчакова в отношении активных действий в Средней

---

[1] *Залесов Н.Г.* Записки адъютанта // РС. 1903. Кн. 8. С. 322—323.

[2] ОПИ ГИМ. Ф. 208. Д. 31. Л. 6 об. Записка М.Г. Черняева фельдмаршалу князю Барятинскому в 1867 г. Копия.

Азии. В своем письме к военному министру 16 июля он писал, что «...министерство совершенно разделяет мнение Вашего Превосходительства относительно соединения Оренбургской и Сибирской линии»[1], и далее указывал, что, если Особый Комитет в своем заседании 23 февраля, одобрив в принципе это мероприятие и не санкционировал окончательно его в виду существовавшей неясности, то теперь, после успеха Черняева, отступать нет никакой целесообразности.

А.Л. Попов в своей статье «Из истории завоевания Средней Азии» выдвигает и другую причину, вызвавшую изменение позиции князя Горчакова по вопросу соединения линий, которую, как нам представляется, нельзя также игнорировать. А.Л. Попов имеет в виду острый недостаток хлопка, обнаружившийся в России в связи с гражданской войной в Северной Америке. Естественно, что в этот период проблема среднеазиатского хлопка приобретала огромное значение, и это также могло оказать влияние на князя Горчакова[2].

Таким образом, в середине 1863 г. точка зрения Милютина и князя Горчакова по среднеазиатским вопросам была идентичной, что и нашло свое отражение в «Записке о будущих действиях в Средней Азии», подписанной обоими министрами и утвержденной Александром II 6 августа. В ней говорилось, что «оба министра вполне признают необходимость рано или поздно соединить наши передовые Оренбургскую и Сибирскую линии. До тех пор пока предприятие это, столько лет уже имеющееся в виду, не будет выполнено, не может быть достигнуто и обеспечение подвластных нам киргиз, благоустройство в степи, единство и одновременность действий... наконец задерживается самое развитие наших торговых и политических видов в Средней Азии»[3]. На основании этого 12 августа последовало «высочайшее повеление» Оренбургскому и Западно-Сибирскому генерал-губернаторам о целесообразности соединения линий по Картаусскому хребту, используя при этом местные средства.

Реакция генерал-губернаторов на это была различной. Дюгамель указывал на невозможность в предстоящем 1864 г. производить какие-либо наступательные операции, мотивируя это осложнениями на Китайской границе, вследствие чего «...какие-либо предприятия, требую-

---

[1] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1862 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 85. Проект отношения вице-канцлера к военному министру.

[2] Точка зрения Попова позднее была весьма аргументировано опровергнута в кандидатской диссертации Л.Н. Дергачевой «Средняя Азия в политике России 1857—1868 гг. (борьба правительственных и общественных группировок) [М., 1967], выполненной под руководством П.А. Зайончковского *(прим. ред.)*.

[3] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1862 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 113 об.

щие отвлечения войск, я полагал бы несвоевременными»[1], писал он в своем рапорте военному министру.

Безак также, судя по записке директора Азиатского департамента Игнатьева, являлся (во-видимому, из-за неладов с Черняевым) противником активных действий в 1864 г., однако вскоре изменил свою точку зрения и в рапорте на имя военного министра от 21 ноября не только соглашался с намеченными мероприятиями, но и шел значительно дальше, указывая, «...что границу по Каратаускому хребту надлежит считать временною, потому что нам несравненно выгоднее, лишь только позволят политические обстоятельства, протянуть ее по Сырдарье и Арысу на Аулиэ-Ата, учредив главный пункт со стороны Оренбургского корпуса в Чимкенте... Утвердившись в Чимкенте[xiii] и находясь тогда от Ташкента всего в 105 верстах, мы будем иметь на него и на все ханство преобладающее влияние, и торговля наша может в то время удобно проникнуть в Китайский Туркестан, чего особенно следует желать...»[2].

Этот рапорт был воспринят Милютиным очень благосклонно и по поводу него он пишет генерал-квартирмейстеру А.И. Веригину следующее: «Прилагаемое при сем отношение ген.-ад. Безака заставляет нас совершенно изменить редакцию заготовленной к нему бумаги. Нет уже надобности пространно доказывать ему необходимость соединения линий... он сам того же мнения и даже идет далее нас...»[3]. Милютин указывает, что главные выводы Безака «могут быть вполне одобрены» и предлагает Веригину составить в этом духе всеподданнейший доклад о военных действиях в 1864 г. Этот доклад был представлен Милютиным Александру II 20 декабря и получил «высочайшее» утверждение. «С будущего 1864 г., — говорилось в нем, — приступить к соединению передовых Сибирской и Оренбургской линий, на предположенных командиром Отдельного Оренбургского корпуса основаниях, т. е. заняв Сузак и Аулиэ-Ата, с тем чтобы впоследствии перенести границу на Арысь, проведя оную от Аулиэ-Ата через Чимкент на Туркестан»[4].

Таков был план военных действий в Средней Азии на предстоящий 1864 г. В начале этого года, в период подготовки к военным действиям, Безак в рапорте 4 апреля на имя военного министра ставит уже вопрос о завоевании г. Туркестана, выдвигая в виде повода к этому враждебные действия Туркестанского бека мурзы Давлета. Далее Безак подробно аргу-

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 73. Л. 4 об. — 5. Рапорт генерал-адъютанта Дюгамеля от 20 сентября 1863 г.
[2] Там же. Л. 72.
[3] Там же. Л. 50.
[4] Там же. Л. 106 об. — 107.

ментирует те выгоды, которые сулит приобретение Туркестана. «Владеть Туркестаном, — писал он, — для нас выгодно в высшей степени. Пункт этот необходим, как центральное место для управления, при соединении Сибирской линии с Оренбургскою, под начальством одного лица… охранение границы сделается удобным, потому что наши сообщения будут совершенно обеспечены, так как мы отбросим коканцев за речку Арысь, прекратятся грабежи наших киргиз и бухарских караванов, следующих на Петропавловск и Троицк…»[lxiv]. По мнению Безака, это не вызовет и излишних расходов, так как деньги, предназначенные для укрепления крепости Сузак, можно будет с большой пользой истратить на Туркестан. Наконец, в политическом отношении, по словам Безака, это можно легко оправдать «крайней необходимостью, обнаружившеюся при проведении Государственной границы, каковая мера исполняется вовсе не в завоевательных видах»[2].

В заключение Безак указывал, что именно в настоящее время легче всего осуществить это мероприятие, пока еще эмир Бухарский не распространил своего владычества на Коканд. В резолюции на рапорте, наложенной Милютиным, говорилось, что «высочайше утвержденный» план военных действий не должен быть изменен, вследствие чего как Оренбургский, так и Сибирский отряды не должны уклоняться от основной цели — соединения линий. «…Движение же к Туркестану может быть допущено только разве тогда, когда представится легкий и верный случай занять этот пункт постоянным гарнизоном. Однако же демонстрация к Туркестану или бомбардирование города более вредно, чем полезно»[3].

Точка зрения Азиатского департамента по вопросу о Туркестане не расходилась с мнением Милютина. Игнатьев в своем отношении к Милютину от 14 апреля также говорил о необходимости изменить общий план военных действий, предусматривающий соединение Оренбургской и Сибирской линий, но вместе с тем указывал, что «…пользы завладения Туркестаном нельзя не заметить… Туркестан занять можно и даже должно, если город не в состоянии выдержать ускоренной атаки, если притом готов отворить ворота, свергнуть с себя иго и принять добровольно войска наши, если таким образом Оренбургский отряд не будет почти задержан при движении его на соединение с Сибирским»[4]. Таким образом, план военных действий на 1864 г. предусматривал не только соединение

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 73. Л. 319 об. — 320. Этот рапорт опубликован, см.: Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1864 г. Ч. 1. Ташкент, 1914. С. 97.
[2] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 73. Л. 320 об.
[3] Там же. Л. 315. В сборнике «Туркестанский край…» эта резолюция опубликована с некоторыми неточностями.
[4] Туркестанский край… 1864 г. Ч. 1. С. 105.

линий, но частичное осуществление той программы-максимум, которая была предложена Безаком и в принципе одобрена Александром II.

Анализируя отношение правительственных верхов к среднеазиатским проблемам, мы можем с достоверностью утверждать, <что инициатива> как в отношении соединения линий, так и дальнейшего продвижения в глубь среднеазиатских владений исходила из военных кругов, причем Милютин играл здесь главную роль. Горячую поддержку в этом вопросе получал Милютин и от директора Азиатского департамента Н.П. Игнатьева. «Как офицер Генерального штаба он был со мною в самых лучших отношениях, почти товарищеских, хотя и был гораздо моложе меня, — рассказывает Милютин в своих «Воспоминаниях», — Благодаря этим личным отношениям, мы входили в частные между собой соглашения по Азиатским делам и общими силами успокаивали пугливость вице-канцлера. Так уладилось и предположенное на 1864 г. исполнение плана соединения передовых линий…»[1].

* * *

В июне 1864 г. соединение Сибирской и Оренбургской линий, в результате взятия Черняевым Аулиэ-Ата, а Веревкиным Туркестана, было завершено. Однако назначенный начальником вновь образованной Ново-Кокандской линии Черняев решил не только выполнить намеченную в дальнейшем программу-максимум — занять Чимкент, но и включить Ташкент в пределы Российской империи. После бесплодной попытки взять Чимкент в июле, Черняеву удалось осуществить это в сентябре, что же касается Ташкента, то, потерпев в этом неудачу, он принужден был отступить.

Самовольное движение Черняева к Чимкенту и занятие его не вызвало возражений ни со стороны Милютина, ни Александра II, наградившего Черняева орденом Георгия 3-й степени. По мнению Милютина, «…нельзя было осуждать Черняева в излишней отважности и предприимчивости, так как действительно занятие Чимкента, лежащего на лучшем пути сообщения между Туркестаном и Аулье-Ата, было <почти> необходимо для обеспечения связи между вновь занятыми пунктами»[2]. В отношении же движения к Ташкенту, Милютин крайне отрицательно отнесся к этому, считая его авантюрным предприятием, заранее обреченным на неуспех, вследствие недостатка сил. «Эта неудача, — писал он, — была <весьма прискорбна потому, что в Азии мы держимся

[1] ОР РГБ. Ф. 169. К. 15. Д. 1. С. 235 (опубл.: Воспоминания Д.А. Милютина. 1863—1864. М., 2003. С. 514 — *прим. ред.*).

[2] Там же. С. 243 (опубл.: Воспоминания Д.А. Милютина. 1863—1864. С. 518 — *прим. ред.*).

не> столько материальною силою, при малочисленности наших войск, сколько нравственным авторитетом»[1].

Считаем возможным высказать предположение, что самовольное движение Черняева к Ташкенту произошло не без ведома директора Азиатского департамента Игнатьева. Основанием этого, по нашему мнению, является, во-первых, его собственная точка зрения на этот вопрос, выраженная им, как сообщает князь Горчаков, в особой записке относящейся к августу 1863 г., в которой Игнатьев указывал на необходимость «...прорваться до Ташкента и поставить его в зависимость от нас»[2]. Таким образом взгляды Игнатьева совпадали с действиями Черняева. Во-вторых, Игнатьев по-видимому информировал Черняева об этом, как это видно из письма последнего к Милютину от 26 сентября 1864 г. «Не зная положительно о видах правительства относительно распространения нашего в Средней Азии, — писал Черняев, — и заключая из письма ген.-ад. Игнатьева, что мы намерены противодействовать бухарскому эмиру в занятии Ташкента... я решился сделать движение с тою целью, чтобы не обязываясь ничем, при благоприятных обстоятельствах поставить судьбу этого многолюдного торгового города в распоряжение правительства...»[3]. Следовательно, Черняев не мог не знать точки зрения Игнатьева по вопросу о Ташкенте.

Неопределенность политического положения в Средней Азии, попытка Черняева продвинуться к Ташкенту, все это заставило князя Горчакова представить Александру II осенью 1864 г. всеподданнейший доклад с приложением особых записок, в которых давался краткий исторический обзор «действий в степи», а также излагались различные варианты решения среднеазиатского вопроса. Князь Горчаков указывал, что эти записки сообщены в общих чертах Милютину, который в основном с ними солидаризировался.

Не высказывая своего мнения в отношении предпочтения того или иного варианта, князь Горчаков подробно останавливается на характеристике каждого из них, отмечая их преимущества и невыгоды. В виду несомненного интереса, который вызывают эти различные проекты Министерства иностранных дел, мы позволим себе почти полностью воспроизвести записку князя Горчакова.

---

[1] Там же. С. 244 (опубл.: Воспоминания Д.А.Милютина. 1863—1864. С. 518 — *прим. ред.*).

[2] Туркестанский край... 1864 г. Ч. 2. Ташкент, 1914. С. 169. Всеподданнейший доклад князя Горчакова от 31 октября 1864 г.

[3] ОР РГБ. Ф. 169. К. 15. Д. 1. С. 246—247. В виду того, что письмо Черняева не сохранилось, цитируем его по воспоминаниям Милютина. См.: Воспоминания Д.А. Милютина. 1863—1864. С. 519—520 *(прим. ред.)*.

«1) Линия от Сырдарьи через Сузак, Чулак-курган, по Каратускому хребту на Аулиэ-Ата, к укреплению Верному.

Эта линия была уже, согласно Высочайше утвержденному мнению военного министра, признана временною и подлежащею дальнейшему перенесению впоследствии, а следовательно не представляла бы собою окончательного решения вопроса.

Сверх того, невыгоды ее слишком наглядны: а) она была бы линиею степною; б) требовала бы прежних постоянных расходов; в) принудила бы нас покинуть Туркестан, Чимкент и Саурак, а следовательно, произвела бы на среднеазиатцев то же впечатление, как и наши прежние экспедиции; г) делала бы столь же затруднительными и дорогими, как прежде, как сообщения между разными пунктами, так и снабжение гарнизонов провиантом и снарядами; д) не дозволяла бы прочной колонизации, необходимой для устройства благоденствия края, потому что полоса, удобная для заселения местности, была бы слишком узка (между Голодною степью и горами Кара-Тау), и, наконец, е) торговые пути для прямых сношений с Коканом и Кашгаром не имели бы достаточного основания.

Мнение, что оставлением линии по северному склону Каратауских гор и очищением занятых нами городов мы совершенно успокоим опасения Европы, вряд ли может быть признано основательным, потому что мы не будем еще иметь возможности с твердостью и откровенностью ни объяснить наших прежних действий, ни заявить о непоколебимом решении не двигаться более вперед.

2) Линия по Сырдарье до устья реки Арыса, вверх по течению этой реки на Аулиэ-Ата и по северному склону Алатауских гор на Кастек и Верное.

Эта линия представляет уже много выгод для своего устройства; главные из этих выгод — это облегчение сообщений посредством Арыса между нашими постами и возможность прочной колонизации непосредственно позади линии, что, конечно, сократит расходы и упрочит наше владычество.

Невыгоды же этой линии суть: а) очищение нами Чимкента, пункта для нас весьма важного в стратегическом отношении и могущего сделаться, при оставлении его в руках коканцев, источником тревоги и неудобства для нашей новой линии; б) направлением линии на Аулиэ-Ата, Кастек и Верное мы лишили бы себя возможности связать ее удобным образом с новою нашею границею и с Западным Китаем, и в) озеро Иссык-куль осталось бы совершенно вне наших пределов, тогда как

обладание им может быть весьма для нас полезно, что будет объяснено впоследствии.

3) Не только оставить за собою Чимкент, но, заняв и Ташкент, поставить его от нас в зависимость, учредив там правление под нашим покровительством.

Подобная мера была бы крайне опасна и не только не положила бы предела нашему движению в глубь Средней Азии, но, напротив, сделала бы наши отношения к ней крайне неопределенными и вовлекала бы нас в прямое участие во всех войнах и смутах, беспрестанно возникающих между разными ханствами. Учредив в Ташкенте правление, мы были бы уже обязаны, не взирая на тяжесть пожертвований, защищать его и против соседних владений, и против внутренних возмущений, а это неминуемо повело бы нас к движению на Кокан, потом на Бухару, и, наконец, и далее.

4) Заняв Ташкент, принять его в наше владение и провести линию от Сырдарьи по хребтам гор, сперва по Кендыр-тау, а потом по Кызыкурт или по Кетмен-тюбе, до западной оконечности озера Иссык-куля.

Богатство произведений и предметов продовольствия и торговли в Ташкентском крае делают это предположение крайне заманчивым, но, как кажется, невыгоды его далеко превышают преимущества, основанные, впрочем, на данных, более или менее гадательных: а) занятие этого края, уже оседло населенного, принесло бы менее действительных выгод, чем соприкосновение к нему нашей границы (что будет точнее объяснено далее); б) наша колонизация, а вместе с тем обрусение края и гражданское в нем устройство были бы, если не совершенно невозможны, то, по крайней мере, несравненно труднее, чем в землях, занятых лишь кочевыми племенами; в) установление со временем прочных, мирных отношений к Кокану и Бухаре сделалось бы неисполнимым и потребовались бы уже не наезды, а ведение постоянной разорительной войны, которая надолго воспрепятствовала бы торговле извлечь ожидаемые выгоды из занятого края, и г) для обеспечения нового владения с востока, потребовалось бы покорение всех коканских городов и укреплений, находящихся в горной стране, между рекою Чу и Нарыном, а также и хищнических племен дикокаменных киргизов[xv], там кочующих, что завлекло бы нас в большие издержки, потребовало бы великих усилий и доставило бы нам страну, весьма мало способную к заселению и представляющую множество затруднений к удержанию в зависимости»[1].

[1] Туркестанский край… 1864 г. Ч. 2. С. 170—172. Всеподданнейший доклад вице-канцлера князя Горчакова от 31/X—1864 г.

Анализируя эту записку, мы видим, что, хотя князь Горчаков и не отдает явного предпочтения тому или иному варианту, он все же является решительным противником дальнейшего продвижения в Средней Азии, подчеркивая, что выгоды, связанные с овладением тех или иных азиатских владений, менее существенны, нежели отрицательное значение этого.

Необходимость решения среднеазиатской проблемы, выдвинутой князем Горчаковым, вызвала обмен мнений по этому вопросу между Министерством иностранных дел, с одной стороны, и Военным с другой, в целях выработки единой точки зрения. Это и нашло свое выражение во всеподданнейшей записке «О дальнейших видах наших в Средней Азии», составленной в Военном министерстве и подписанной обоими министрами. В начале ее дается краткий очерк продвижения России в Средней Азии, при чем отмечается, что все завоевания делались здесь не на основе определенного плана, а под влиянием случайных соображений и личных суждений местных начальников. «Все это требует, — говорится в записке, — определить предел нашего продвижения». «При обсуждении этого вопроса прежде всего является мысль, что в настоящее время дальнейшее распространение наших владений в Средней Азии не будет согласно ни с видами правительства, ни с интересами государства. Всякое новое завоевание, увеличивая протяжение наших границ, требует значительного усиления военных средств и расходов, между тем как подобное расширение владений, не только не усиливает, а ослабляет Россию, доставляя, взамен явного вреда, лишь гадательную пользу. Нам выгоднее остановиться на границах оседлого населения…, нежели включать это население в число подданных Империи, принимая на себя новые заботы об устройстве их быта и ограждении их безопасности…»[1].

Руководствуясь этим соображением, оба министра считали необходимым ограничиться прочным утверждением на занятой территории, наряду с этим стремясь приобрести «нравственное влияние» на Среднеазиатские государства, не вмешиваясь в их внутренние дела и политические отношения. Отказываясь от дальнейшего наступления, оба министра полагали необходимым установить границу соответственно тем крайним пунктам, которые занимали войска к осени 1864 г. Вместе с тем указывалось на необходимость урегулировать отношения с Кокандом путем расширения торговых связей, одновременно с этим пресекая всякие враждебные действия с его стороны.

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 83. Л. 9 об. — 10. Всеподданнейший доклад 20 ноября 1864 г.

Таково содержание всеподданнейшего доклада, утвержденного Александром II и долженствующего лечь в основу среднеазиатской политики в ближайшие годы. На другой день после утверждения этого доклада, по инициативе нового директора Азиатского департамента П.Н. Стремоухова, было составлено совместно с Военным министерством циркулярное разъяснение образа действий в Средней Азии для сообщения иностранным державам. В нем высказывалась известная мысль, что цивилизованное государство, соприкасаясь с народами полудикими, а тем более кочевыми, вынуждено силою обстоятельств, постепенно выдвигать вперед свои пограничные укрепления и искать естественных рубежей, удобных для пограничной линии. Этим и объяснялось продвижение России в Средней Азии, «чуждой желания расширять свою территорию». Далее говорилось, что цель российского императора «состоит не в том, чтобы расширить вне всякой разумной меры границы земель, подчиненных его скипетру, но утвердить в них свою власть на прочных основаниях, обеспечить их безопасность и развить в них общественное устройство, торговлю, благосостояние и цивилизацию»[1]. В заключение указывалось, что крайними пределами российской территории будет являться та пограничная линия, которая установилась к настоящему времени. Таким образом, предусматривалось, что дальнейшее продвижение в Средней Азии не будет иметь места.

Однако в действительности Милютин отнюдь не предполагал этого. Касаясь приведенного выше циркулярного разъяснения, Милютин в своих «Воспоминаниях» указывал, что совершенно напрасно в нем выражалась надежда в отношении стабильности нашей среднеазиатской границы. «Надежды эти, — говорит он, — были совершенно призрачны; по крайней мере со стороны Военного министерства не было таких иллюзий». «Можно только сожалеть, — продолжал он, — что Министерство иностранных дел постоянно прибегало к подобным успокоительным заявлениям и тем связывало себе руки в дальнейших действиях»[2]. Таким образом, это разъяснение, хотя и составленное совместно с Военным министерством, не выражало точки зрения Милютина.

Надо отметить, что стремление князя Горчакова «оправдаться» перед Европой и, в первую очередь, перед Англией, в отношении действий в Средней Азии, далеко не было разделяемо Милютиным. Так, в начале 1865 г., когда английское правительство пыталось заигрывать с

---

[1] *Мартенс Ф.Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880. С. 27.

[2] ОР РГБ. Ф. 169. К. 15. Д. 1. С. 250. (Опубл.: Воспоминания Д.А. Милютина. 1863—1864. С. 521 — *прим. ред.*).

Кокандом, о чем сообщал из Лондона русский посол барон Ф.И. Бруннов, Милютин в ответ на письмо ему Стремоухова, указывая на неизбежность военных действий в Средней Азии, писал: «...Не надобно только в Лондоне бояться их; не надобно просить извинения пред английскими министрами за всякое наше движение вперед. Они не церемонятся перед нами, завоевывая целые царства, занимая чужие города и острова, и мы не спрашиваем у них зачем они делают это?...»[1].

* * *

В начале 1865 г. среднеазиатский вопрос снова обсуждался в правительственных сферах, при чем виды правительства в отношении дальнейшего образа действий были сформулированы в высочайше утвержденном отношении вице-канцлера князя Горчакова оренбургскому генерал-губернатору. Содержание этого отношения заключалось в следующем: 1) вперед до установления мирных отношений с Кокандом, избегать по возможности всякого вмешательства во внутренние дела этого ханства; 2) вооруженное вмешательство может быть предпринято лишь с целью предупредить нарушение наших границ, а также торговых интересов, при чем и в этом случае не делать никаких территориальных приобретений; 3) если бы жители Ташкента решили отложиться от Коканда в целях приобретения независимости, необходимо содействовать этому путем установления тайных сношений с наиболее влиятельными жителями города, а в случае восстания, помочь им, нанеся стремительный удар по Коканду. «Само собою разумеется, — говорилось в этом отношении, — что после подобного удара отряд должен возвратиться на линию, не вдаваясь в дальнейшее участие в этой междоусобной борьбе и не занимая Ташкента». 4) Ташкент не включать в состав Российской империи, считая наиболее выгодным косвенное влияние на него[2]. «Но весьма быть может, что для нас было бы гораздо выгоднее, если бы Ташкент успел отложиться от Коканского ханства и образовал по-прежнему независимое владение. В зависимости от Кокана конечно Ташкент будет служить нам лучшим залогом в исполнении ханом условий доброго соседства. С восстановлением же прежней независимости, город этот послужит удобным орудием в случае необходимости действовать на Коканд, а отчасти и на Бухару и вместе с тем становится для нас оградою против всяких внезапных покушений Ко-

[1] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1862 г. Д. 15. Ч. 2. Л. 39 — 39 об.

[2] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 83. Л. 36 об. Копия с высочайше утвержденного проекта отношения вице-канцлера оренбургскому губернатору от 23 февраля 1865 г.

канда и Бухары…». 5) В случае намерений бухарского эмира подчинить себе Ташкент, необходимо предупредить это[1].

Анализируя это отношение-инструкцию, мы видим, что она давала широкие просторы для действия местных военачальников. Еще более широкое поле деятельности представляла собой инструкция вновь назначенного оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского[xvi] Черняеву, утвержденная Милютиным. Рекомендуя в первую очередь озаботиться укреплением пограничной линии, Крыжановский указывал, что «…как везде, а в Азии в особенности, прочная оборона нередко достигается смелым наступлением, то необходимо… в Чимкенте иметь достаточно подвижные силы, чтобы во всякое время можно было произвести погром в соседственных странах. Короче сказать мы должны поставить себя в такое положение, — писал Крыжановский, — чтобы неприятель наш находился всегда под страхом серьезных нападений с нашей стороны, а не мы под страхом вторжений со всех сторон»[2]. Естественно, что эта инструкция развязывала руки Черняеву.

В начале года им снова был поставлен вопрос о взятии Ташкента, мотивированный необходимостью предупредить в этом отношении бухарского эмира[xvii]. Несмотря на отрицательный ответ Милютина, кстати сказать, не имевший формы категорического запрещения, Черняев в апреле месяце начал наступательные операции, овладев первоначально крепостью Нияз-бек, а затем и самим Ташкентом. Эти действия Черняева, не санкционированные свыше, были приняты Милютиным с явным сочувствием. Не говоря уже о наградах, полученных Черняевым, естественно не без участия Милютина, можно сослаться еще на один документ, в котором он оправдывает военные действия лета 1865 г. Вскоре после взятия Ташкента, великая княгиня Елена Павловна, благоволившая Милютину, обратилась к нему с просьбой составить для нее краткую записку, излагавшую ход дел в Средней Азии. По поводу этой записки, составленной в Военном министерстве, Милютин писал: «…Я полагал бы только сделать одно добавление: там где говорится о последних событиях, именно о занятии Ташкента — выставить, что мы были вынуждены неотлагательно исполнить это предпринятым Бухарским эмиром наступлением. Не с нашей стороны была инициатива, а враждебные и дерзкие покушения коканцев и бухарцев вызвали нас на наступление. Надобно упомянуть, — продолжает Милютин, — что против азиатцев действия оборонительные

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 83. Л. 35 об. — 36.

[2] Туркестанский край… 1865 г. Ч. 1. С. 86. Отношение Крыжановского Черняеву от 25 февраля 1865 г., № 81.

всегда невыгодны и гибельны, даже защищаться от них нельзя иначе как наступательным и угрожающим положением»[1].

Что касается судьбы занятого Черняевым Ташкента, то, как по мнению Милютина, так и князя Горчакова, его не следовало включать в состав Империи, а превратить в «самостоятельное», «независимое» владение, причем Милютину представлялась эта «самостоятельность» довольно своеобразно. В своей записке в Министерство иностранных дел он писал, что, по его мнению, было бы наиболее целесообразным «устроить в Ташкенте управление чисто муниципальное, под охраною наших войск, которые, не занимая самого города, могли во всякое время вступить в оный и восстановить в нем порядок, если бы установленному нами управлению угрожала опасность… Так разумею я независимость Ташкента…»[2], указывал в конце этой записки Милютин. Министр внутренних дел П.А. Валуев отнесся ко взятию Ташкента отрицательно. Так, в своем дневнике за 20 июня 1865 г. он записывает следующее: «Ташкент взят генералом Черняевым. Никто не знает почему и для чего»[3].

В вопросе о дальнейших взаимоотношениях с Бухарой как Милютин, <так> и князь Горчаков летом 1865 г. стояли на одинаковых позициях. Они считали невозможным идти на какие-либо уступки после требований эмира об очищении Ташкента и части прежде завоеванной территории. «Мы не можем отступить теперь, — писал князь Горчаков Милютину. — Немыслимо преклониться пред эмиром. Это теперь узел нашего влияния в Средней Азии»[4]. Эту точку зрения развивал и Милютин в своем отношении к командующему войсками Оренбургского корпуса генералу Крыжановскому.

Однако, несмотря на то, что в принципе Милютин не осуждал поступков Черняева, его независимый образ действий не мог находить одобрения у военного министра. Не случайно еще в начале 1865 г. Милютиным в распоряжение генерала Крыжановского был командирован, без определенного назначения, близкий ему человек, бывший до того времени редактором «Русского инвалида», полковник Д.И. Романовский[xviii]. Нам представляется, что уже в этот период Милютин втайне рассчитывал заменить им Черняева и с этой целью и был направлен Романовский, дабы дать ему возможность первоначально ознакомиться с положением в Средней Азии.

---

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 88. Л. 18.

[2] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1862 г. Д. 15. Ч. 2. Л. 103—103 об. Записка Д.А. Милютина от 10/IX—1865 г.

[3] Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 60 — *прим. ред.*

[4] Туркестанский край… 1865 г. Ч. 1. С. 283.

Действительно, поведение Черняева во второй половине 1865 г., выразившееся в самовольной посылке посольства в Бухару, а затем, после задержания его, в организации им военной демонстрации к Сырдарье, предпринятой совершенно самостоятельно, — все это дало возможность Милютину в начале 1866 г. получить у Александра II санкцию на отозвание Черняева и назначение на его место Романовского. «Своеволие его, неповиновение, самодурство дошло до явного нарушения основных правил службы»[1], — рассказывает в своих «Воспоминаниях» Милютин.

Инструкция генералу Романовскому, составленная Милютиным совместно с князем Горчаковым, предоставляла ему широкие просторы деятельности. Формулировалась лишь общая цель правительства — восстановить мир и спокойствие в Средней Азии, избегая всяких новых завоеваний, но вместе с тем поддерживая «достоинство и обояние России».

В одном из своих писем к Романовскому Милютин следующим образом излагал свой взгляд на задачи его деятельности: «…Весьма было бы желательно, — писал Милютин, — воспользоваться переменою начальства в Туркестанской области[xix], чтобы дать делам более миролюбивый[2] оборот. Я знаю, что Вы не с тем поехали туда, чтобы искать боевых подвигов и чтобы писать блестящие реляции. Вы вполне понимаете истинные интересы России в тех странах; сознаете, что самая большая заслуга с Вашей стороны будет восстановить и развить…[3] мирные и торговые сношения… но само собой разумеется, что мы не можем для этой цели сделать какую-либо уступку, которая сколько нибудь уронила бы достоинство и влияние русского имени. На случай если бы Бухарцы упорствовали в своих враждебных действиях, мы должны в течение лета подготовить все средства для нанесения им решительного урока…»[4].

Наступательные действия Романовского летом 1866 г. встретили со стороны Милютина полное сочувствие, считавшего их необходимыми в целях противодействия враждебным стремлениям бухарского эмира. Если взятие Ирджара, принадлежащего Бухаре, еще можно было бы объяснять этим, то необходимость занятия крепости Нау и Ходжента[xx], являвшихся территорией Коканда, трудно было аргументировать подобными соображениями.

Милютин в своих «Воспоминаниях» подчеркивает, что занятием Ходжента Бухара изолировалась от Коканда и по-видимому этим об-

[1] ОР РГБ. Ф. 169. К. 11. Д. 2. Л. 281. (Опубл.: Воспоминания Д.А. Милютина. 1865—1867. М., 2005. С. 339 — *прим. ред.*).

[2] В подлиннике «милолюбивый» — *П.З.*

[3] Одно слово нами не разобрано. — *П.З.*

[4] ОР РГБ. Ф. 169. К. 36. Д. 21. Л. 2—3. Черновик письма к Романовскому от 18 мая 1866 г.

стоятельством оправдывался, с его точки зрения, этот шаг. Надо сказать, что летом 1866 г. не только Милютин, но и князь Горчаков изменил свою точку зрения на вопрос о дальнейшем распространении пределов Империи. В секретном отношении к оренбургскому генерал-губернатору князь Горчаков писал, что, в связи с последними событиями на Туркестанской границе как Военное министерство, так и Министерство иностранных дел решили пересмотреть дальнейший образ действий в Средней Азии. «Явно враждебные к нам действия эмира Бухарского, — писал князь Горчаков, — и нескрываемое им желание завладеть страною, нами уже завоеванною, а также настойчивое домогательство его владеть остатками ханства Коканского, чего, именно, мы допустить не можем, ставит нас в необходимость… отказаться от той выжидательной системы, которая принята была Правительством в прошлом году относительно жителей Ташкента и некоторых других городов, занятых нашими войсками, и перейти к мерам более решительным и к установлению отношений более определенных»[1].

Далее князь Горчаков указывал, что, если в прошлом году правительство не приняло ходатайства жителей г. Ташкента о включении его в состав Империи, имея в виду образовать из него независимое государство, то теперь, в связи с последними событиями и необходимостью удержать за собою Ходжент, обстоятельства резко изменились. Генералу Крыжановскому прямо указывалось на целесообразность присоединения к России как Ташкента, так и всей территории занятой в последний период. «…А потому, — заключал князь Горчаков, — если бы жители Ташкента и других местностей, занятых нашими войсками в том крае, вновь выразили просьбу о принятии их в наше подданство, в видах спасения их от замыслов эмира, то Государю Императору благоугодно всемилостивейше соизволить на таковое их подданство и от усмотрения Вашего Пр<евосходитель>ства будет зависеть принятие всех необходимых мер по этому предмету»[2].

Таким образом летом 1866 г. планы правительства по вопросу Средней Азии претерпели существенные изменения и естественно, что такая точка зрения не могла не содействовать активизации военных действий.

К июлю месяцу отношения как с Бухарой, так и с Кокандом значительно улучшились. Эмир Бухарский возвратил задержанное им рус-

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 101. Л. 33. Копия с секретного отношения вице-канцлера от 22/VI—1866 г. Опубл.: Туркестанский край… 1866 г. Ч. 1. С. 304.

[2] Там же. С. 305.

ское посольство, торговые отношения с Бухарой были возобновлены; кокандский хан[xxi] прислал письмо Романовскому, в котором писал о своем желании сохранить дружбу, подчеркивая свою вражду с Бухарой. Однако, дальнейшее развитие мирных переговоров было прервано в результате действий генерала Крыжановского.

Весной 1866 г. Крыжановский посетил Петербург и на обратном пути заезжал в Москву, где был принят Александром II, находившимся тогда в Ильинском. Возвратившись в Оренбург, Крыжановский писал Романовскому следующее:

«Третьего дня я возвратился из Петербурга или вернее из Ильинского, под Москвой, где провел два дня у Его Величества. Переговорив со всеми лицами власть имеющими и узнав идеи, ныне царствующие, спешу поделиться с Вашим Превосходительством теми из собранных мною сведений, которые касаются наших дел…»[1]. Далее Крыжановский излагает соображения, касающиеся пограничной линии с Кокандом и Бухарой, предусматривающие значительное расширение территории Империи. «…При таком предположении, — пишет он, — остатки Коканского ханства должны будут войти в состав наших владений. Было бы весьма желательно, чтобы Коканское правительство само заискивало подчиниться нашей власти, но если этого не случится, как по всему видно, то придется быть к Кокану чрезвычайно требовательным и раздражительным, имея в виду при первой с их стороны выходке завладеть Коканом, Наманганом[xxii] и прочими городами силою оружия. Было бы даже желательно, — продолжал Крыжановский, — покончить дело это нынешней осенью, а потому прошу Вас… принять относительно Кокана тон высокий и третировать Худояр-хана, который по положению своему должен быть вассалом России. Если обидится и будет действовать против нас, тем лучше, это даст нам предлог покончить с ним… Относительно Бухары полагаю, что с эмиром можно оперировать исключительно силою. Ни в какие любезности с ним вдаваться не следует и побив его, так как Вы его побили, надо от него все требовать, не уступая ему ни в чем…»[2].

Такова была программа действий, разработанная Крыжановским, на основе «идей, царствующих в Ильинском». Эта программа отнюдь не совпадала с инструкциями не только князя Горчакова, но и Милютина. Подтверждение этого мы находим в цитированном нами выше письме, в котором Крыжановский просит Романовского сообщить ему,

[1] ОР РГБ. Ф. 169. К. 36. Д. 28. Л. 1. Копия письма Крыжановского Романовскому от 1 июля 1866 г.
[2] Там же. Л. 2—2 об.

если указания военного министра в отношении дальнейших действий в Средней Азии будут «не совсем согласны» с его инструкцией[1].

Пробыв некоторое время в Оренбурге, Крыжановский в середине августа прибыл в Ташкент для того, чтобы на месте разрешить все вопросы, как в отношении Коканда, так и Бухары. На другой день по приезде Крыжановский направил на имя военного министра рапорт, в котором указывал, что, в связи с тем, что по сведениям, полученным им от генерала Романовского, коканский хан «ведет себя относительно нас недружелюбно и вместе с тем укрепляет Кокан и Намаган»[2], он считал, что необходимо начать наступательные действия против Коканда, с целью занять Кокан или Намаган, «или то и другое». Далее Крыжановский просил Милютина об ассигновании ему 200 тыс. рублей на предстоящие расходы, связанные с экспедицией в Коканд.

Хотя Милютин в своих «Воспоминаниях» резко отрицательно характеризует эти намерения Крыжановского, однако, получив рапорт и доложив его содержание Александру II, он без всяких комментариев сообщает об этом князю Горчакову, как о факте, не вызывающем, по-видимому, никаких возражений. Получив это сообщение, князь Горчаков тотчас же написал Милютину записку, в которой, выражая сожаление, что вопрос о движении на Коканд не был предварительно между ними обсужден, убедительно просил его воздержаться с решением по этому вопросу до предстоящего совещания у царя.

Для характеристики отношения Милютина к этому намерению Крыжановского, небезынтересно привести ответ его князю Горчакову: «Возвратившись сейчас из Царского Села, — писал Милютин, — я нашел у себя записку Вашего Сиятельства относительно намерений генерала Крыжановского идти на Кокан. Предварительного по этому предмету соглашения между обоими министерствами *не могло* быть потому,

---

[1] Интересно отметить, что Милютин в своих «Воспоминаниях» высказывает мысль, что предписание Крыжановского по-видимому обусловливалось лишь завистью его к успехам Романовского и «жаждой им воинской славы», наличие же цитированного выше письма в архиве Милютина исключает возможность предположения о том, что ему не была известна другая, более веская причина, давшая возможность Крыжановскому действовать в таком духе. Нам представляется бесспорным, что Крыжановский отважился на такой шаг, получив на это санкцию Александра II.

[2] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 101. Л. 17. Судя по письмам Романовского к Милютину, сохранившимся в его архиве, он отнюдь не так оценивал взаимоотношения с Кокандом. Так, в письме от 5/IX он писал: «Что же касается до Кокана, то, несмотря на сомнения Николая Андреевича (Крыжановского — *П.З.*), твердо надеюсь, что, при благоразумном и умеренном способе действий, мы можем достигнуть здесь больших результатов, нежели немедленною войною». Это письмо опубликовано с копии, хранящейся в делах Азиатского департамента, см.: Туркестанский край… 1866 г. Ч. 2. С. 58.

что генерал Крыжановский решился на означенное предприятие только по прибытии своем в Ташкент, узнав *на месте* о положении дел в том крае… Остановить теперь движение генерала Крыжановского уже совершенно невозможно, ибо всякое приказание отсюда придет к нему только через месяц[1], когда вся экспедиция будет уже кончена и судьба Кокана решена…»[2]. Вместе с тем Милютин подчеркивал, что никаких дополнительных инструкций Крыжановскому помимо тех, которые ему были даны совместно с Министерством иностранных дел, он не направлял. Нам представляется бесспорным, что если в период пребывания Крыжановского в Петербурге Милютин и не давал ему никаких указаний на этот счет, то во всяком случае отношение военного министра к намерениям овладеть Кокандом обнаруживается достаточно ясно — противодействовать этому он явно не собирался.

Подобное реагирование Милютина, на наш взгляд, объяснялось тем, что инструкции, даваемые им «оренбургскому начальству» под давлением Министерства иностранных дел, сплошь и рядом не выражали его собственную точку зрения. 23 сентября князь Горчаков представил Александру II всеподданнейший доклад, в котором он резко осуждал стремление овладеть Кокандом. «…Ныне совершенно неожиданно, без предварительного обсуждения и разрешения правительства, — писал князь Горчаков, — и в противность всем планам и предположениям… предпринимается не экспедиция для наказания коканцев… а *поход для занятия самого Кокана*. Если это удастся, то последствием будет присоединение к Империи новых владений, если нет, то поход этот должен будет непременно возобновиться. Столь решительная завоевательная мера принимается не вследствие нападения коканцев, а только потому, что, по донесению Туркестанского губернатора, они обнаруживают *недружелюбное к нам расположение*»[3]. Князь Горчаков категорически возражал против намерений Крыжановского. Даже после того, как этот вопрос, по настоянию князя Горчакова, был решен на совещании у Александра II 24-го сентября[4], Милютин только через 3 дня направил шифрованную телеграмму в Оренбург, предложив немедленно отправить курьера к Крыжановскому с указанием, что действия в отношении

[1] Это утверждение Милютина противоречит истине, так как, учитывая наличие телеграфного сообщения между Петербургом и Оренбургом, приказ Крыжановскому мог быть доставлен максимум в течение 8—10 дней.

[2] Туркестанский край… 1866. Ч. 2. С. 73—74. Записка Милютина вице-канцлеру от 21 сентября.

[3] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 101. Л. 23—23 об. (Подчеркнуто в тексте документа. — *П.З.*). Опубл.: Туркестанский край… 1866. Ч. 2. С. 82—84.

[4] Решение, принятое Александром II по вопросу о Коканде вопреки его же указаниям Крыжановскому, крайне характерно иллюстрирует безволие «российского самодержца».

Коканда должны быть направлены не на его завоевание, а на «утверждение нашего влияния».

Нам представляется, что основной причиной, вызвавшей со стороны князя Горчакова отрицательное отношение к экспедиции на Коканд, являлась боязнь осложнений в отношениях с Англией. Это подтверждается первоначальным текстом телеграммы в Оренбург, в которой Милютин писал, что «по общим политическим видам мы должны быть в настоящее время крайне осторожны в действиях наших в Средней Азии. Если же невозможно остановить движение к Кокану, то по крайней мере старайтесь дать делу такой оборот, чтобы наименее встревожить Англию»[1]. Этот проект телеграммы не был одобрен князем Горчаковым, который по этому поводу писал Милютину, «что упоминать об Англии… не следует»[2].

Намерения Крыжановского в отношении Коканда, как известно, осуществлены не были. В письме от 5 сентября он сообщил Милютину, что в связи с недостатком сил, он предполагал экспедицию против Коканда перенести на будущий год, в настоящий же период «урегулировать отношения» с Бухарой. Крыжановский начал мирные переговоры с представителями бухарского эмира. Переговоры эти развивались успешно, бухарцы приняли все условиях Крыжановского, прося лишь об уменьшении установленной им суммы контрибуции. Крыжановский, желая воевать во что бы то ни стало, предложил бухарским посланцам представить контрибуцию в течение 10 дней и, по истечении указанного срока, двинулся к бухарской крепости Ура-Тюбе[xxiii] и овладел ею в конце сентября. В октябре, продолжая свое движение, Крыжановский штурмом взял Джизак.

Министерство иностранных дел отнеслось к этому крайне отрицательно. Директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов[xxiv] по поводу взятия Ура-Тюбе писал Милютину, что это событие со всей очевидностью доказывает, «что храброму генералу во что бы то ни стало и несмотря ни на что хотелось только дешевых лавров и наград: по последнему донесению он собирался громить коканцев, а теперь упражняется в завоевательных подвигах на пути бухарцев… Если Крыжановскому дадут теперь Георгия, то можно быть уверенным, что не только это его поощрит к новым подвигам, но и в том, что преемники как его, так и Романовского также не преминут предпринять новые подвиги…»[3].

Александр II же реагировал на это иначе. По поводу взятия Ура-Тюбе он накладывает на телеграмме следующую резолюцию: «Успеху

[1] ОР РГБ. Ф. 169. К. 36. Ед. хр. 20. Л. 1— 1 об.

[2] Там же.

[3] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 101. Л. 56—57. Опубл.: Туркестанский край… 1866 г. Ч. 2. С. 124—125. В публикации допущены некоторые неточности.

этому нельзя не радоваться, лишь бы оно не завлекло нас еще далее»[1]. На рапорте Крыжановского о взятии Джизака пишет: «Войска показали себя опять молодецкими. О наградах прикажу словесно»[2]. Крыжановский был награжден Георгием 3-й степени, Романовский же зачислен в свиту. Естественно, что подобное поощрение не могло не вызвать у местных военачальников стремления к новым подвигам.

Возвратившись после окончания экспедиции в Оренбург, Крыжановский изображал в своих сообщениях в Петербург положение в Туркестанской области в чрезвычайно радужных красках. В его представлении, в области установилось совершенное спокойствие. Бухарский эмир, получив должный урок, принужден будет надолго отказаться от военных действий, торговля с Бухарою восстановлена, с Кокандом установлены дружеские отношения. Еще находясь в Ташкенте, перед отъездом в Оренбург, Крыжановский в своих предположениях на будущий 1867 г. писал, что в результате последней экспедиции, пограничная линия передвинулась до хребта и непрерывных гор, отделяющих сырдарьинский бассейн от Бухары, в результате чего эмир не сможет так легко вторгнуться в Туркестанскую область, и кокандский хан также не может рассчитывать на его помощь. По мнению Крыжановского, в следующем году, если даже отношения с Бухарой и не будут окончательно урегулированы, не следует предпринимать движения к Самарканду, а ограничиться стеснением бухарской торговли. Для этого необходимо воспретить проезд бухарским купцам в Москву и Нижегородскую ярмарку, вместе с тем предоставив им возможность «приходить с их товарами не далее Оренбургской линии». По его мнению, это принесет немалую пользу русской торговле.

Однако Милютин далеко не так оценивал положение в Средней Азии. В своей записке от 12 декабря Милютин указывал, что в настоящий период, после осуществленной экспедиции, отношения с Бухарой далеко не урегулированы и считать войну законченной по-видимому нельзя. «Бухарский эмир, — писал он, — …после потери значительной части своих владений, после понесенных им от нашего оружия тяжких ударов… станет еще более чем прежде во враждебные к нам отношения… может быть эмир найдет необходимым и для своего народа, и для собственных своих выгод, *дозволить* торговые сношения с нами, но сношения эти будут еще менее, чем прежде, обеспечены от всяких случайностей… Эмир может воспользоваться первою благоприятною для себя случайностью, чтобы

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 101. Л. 52.
[2] Там же. Л. 122.

сделать вторжение в пределы занятого нами края. Думаю даже, что англичане из Индии будут употреблять его своим орудием, чтобы постоянно держать нас в тревожном положении в Средней Азии. Бухарский эмир теперь убеждается, что единственную помощь может он ожидать от англичан *против* нас. Одним словом, — заключил Милютин, — мне кажется…, что в настоящее время после всех одержанных нами успехов боевых, наши отношения в Бухаре еще менее упрочены, еще менее благоприятны, чем до начала нашей теперешней распри…»[1].

Касаясь взаимоотношений с Кокандом, Милютин также подчеркивал их непрочность. По его мнению, гораздо выгоднее было бы не присоединять Коканда к империи, а превратить его в вассальное государство, однако, вместе с тем выражал сомнение в возможности этого. «Не нужно повторять в сотый раз, — писал он, — что с азиатскими владельцами, особенно с такими каковы Коканский и Бухарский, дипломатические трактаты не имеют никакого значения. Влияние наше на них может быть поддерживаемо *только* угрозою, страхом оружия нашего. Торговые выгоды конечно очень важны, но для обеспечения самой торговли все-таки нужна бывает сила или по крайней мере постоянная угроза. Азиатец только уважает сильного»[2].

Резюмируя все сказанное, Милютин приходил к убеждению, что настоящее положение в Средней Азии никак нельзя считать прочным и крайне трудно определить дальнейший образ действий. Вследствие этого он считал невозможным наметить совместно с Министерством иностранных дел какой-либо определенный план мероприятий в области среднеазиатских вопросов. «…При таком неопределенном положении дел, — писал он, — едва ли можно сказать местному начальству, — остановись, не делай шага вперед и не прибегай снова к силе оружия. Все что возможно ему сказать — уже сказано: *избегай* распространения наших владений, *избегай* дальнейшего разбрасывания наших войск, *старайся* умиротворить край, *старайся* приобрести нравственное влияние на соседей, возобновить и обеспечить торговые сношения и проч.… Только будучи на месте и зная ближе что делается у соседей, можно определить способ действий для достижения указанной общей цели»[3]. Таким образом, решение тех или иных вопросов необходимо предоставить местным начальникам, облеченным должной властью — таков вывод Милютина.

---

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 101. Л. 157 об. — 159.

[2] Там же. Л. 160 об. — 161.

[3] Там же. Л. 161—162. Подчеркнуто везде Д.А. Милютиным. — *П.З.*

Переходя ко второму вопросу, затронутому Крыжановским, касающемуся бухарской торговли, Милютин полагал, что лучшим судьей в этом должно быть Министерство финансов, «а еще лучшим наше русское купечество», для чего целесообразно, по его мнению, выяснить точку зрения купцов, ведущих торговлю со Средней Азией. Вместе с тем он считал, что какие-либо ограничения бухарской торговли могут носить лишь временный характер, «но было бы несоответственно достоинству Европейской сильной державы, — говорил Милютин, — приурочивать свое законодательство и свои порядки внутренние к нравам и обычаям какого-нибудь соседнего азиатского владельца… странно было бы установлять относительно бухарских и коканских купцов какие-нибудь исключительные правила, потому только, что в Бухаре или Кокане действуют так или иначе»[1]. Чем больше азиатские купцы будут ездить в Россию, чем больше они будут осваиваться с нравами и обычаями, существующими здесь, тем это, по мнению Милютина, выгоднее с точки зрения укрепления влияния в Средней Азии.

Это мнение Милютина представляет немалый интерес, характеризуя то значение, которое он придавал торговым связям со среднеазиатскими государствами, в интересах обеспечения политического господства. Вместе с тем она характеризует также и внимание, проявляемое им к интересам русского купечества.

Князь Горчаков соглашался с Милютиным, что в настоящее время положение в Средней Азии нельзя считать определившимся, наоборот, по его мнению, «поводы к разрыву и к начатию военных действий будут представляться еще несравненно чаще чем прежде»[2]. Однако, вместе с тем, князь Горчаков считает необходимым придти к какому-либо определенному решению в отношении Средней Азии. «Министерство иностранных дел, — писал он, — вполне сознает, что нам нет надобности входить в соглашение относительно проведения граничной линии с Бухарою или Кокандом, но для нас самих такая предельная линия необходимо должна существовать, иначе нельзя себе представить правильной деятельности местной администрации… Соображения об естественных границах следовало бы пока устранить, как начало скорее завлекающее: всякая даже совершенно условная граница будет соблюдена всего лучше принятою нами твердою решимостью не подвигаться долее вперед…»[3].

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 101. Л. 162—163. Записка Милютина опубл., см.: Туркестанский край… 1866 г. Ч. 2. С. 230—232.

[2] Там же. Л. 154 об. Отношение князя Горчакова военному министру. Опубл.: Туркестанский край… 1866 г. Ч. 2. С. 227—229.

[3] Там же. Л. 155 — 155 об.

Что касается вопроса о стеснении Бухарской торговли, то князь Горчаков вполне солидаризировался в этом с Крыжановским.

Анализируя рассмотренные выше записки, мы видим, что Милютин по-прежнему являлся сторонником активной политики в Средней Азии, — предоставление полной свободы действий местным военачальникам означало именно это; князь Горчаков же занимал в этом вопросе более умеренную позицию: не исключая возможности дальнейших завоеваний, он пытался установить определенный предел им, считая необходимым ограничить действия представителей местной власти.

Таким образом, к концу 1866 г. отношения со среднеазиатскими ханствами далеко не были урегулированы, да и внутри правительства не было единой точки зрения на дальнейшие действия в Средней Азии.

* * *

В начале 1867 г. в Петербурге под председательством Милютина происходило совещание по вопросу «об устройстве вновь присоединенных к Империи частей Средней Азии». С этой целью были вызваны в Петербург Крыжановский и Романовский[1].

В результате этого совещания было принято решение о введении русской администрации во вновь завоеванных районах, а также о создании военного округа и генерал-губернаторства, включив в него, помимо Туркестанской области, некоторые сопредельные части Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Это решение было санкционировано Александром II. На должность туркестанского генерал-губернатора в середине 1867 г. был назначен по представлению Милютина близкий ему человек, виленский генерал-губернатор К.П. Кауфман, бывший ранее начальником канцелярии Военного министерства[xxv]. Кауфман был наделен широкими полномочиями: он мог самостоятельно вести переговоры с соседними ханствами, объявлять им войну и заключать мир.

Таким образом, Милютин решил одновременно две задачи: добился предоставления полной свободы действий «местному начальству», как он на этом настаивал в своей записке от 12 декабря 1866 г., и вместе с тем обеспечил назначение на пост «местного начальства» близкого ему человека.

Весной 1867 г. начались мирные переговоры с Бухарой, однако несмотря на это, временно исполняющий должность туркестанского гу-

[1] Генерал Романовский был уволен от должности в начале 1867 г. Как рассказывает Милютин в своих воспоминаниях, это произошло в результате интриги, организованной против него Черняевым, получившим поддержку у наследника престола.

бернатора генерал Н.М. Мантейфель поставил вопрос о необходимости наступательных действий от Джизака в сторону Яны-Кургана, аргументируя это тем, что находившееся в этом районе население не платит никому дани и имеет возможность перейти на сторону Бухары.

Операция эта была осуществлена в июне подполковником А.К. Абрамовым[xxvi], действовавшим, однако, как сообщал об этом Крыжановский, «самовольно, без ведома ген. Мантейфеля». Крыжановский, сообщая об этом Милютину, указывал на необходимость «…раз навсегда прекратить такие своевольные поступки со стороны частных начальников… и поручить и. д. туркестанского военного губернатора произвести строжайшее исследование о причинах, заставивших подполковника Абрамова решиться на такой поступок…»[1].

Крыжановский просил Милютина ускорить приезд Кауфмана, указывая, что не может нести ответственность за все там происходящее. «…Я нисколько не буду удивлен, — писал он, — если подполковник Абрамов двинется и на Самарканд…»[2]. В заключение Крыжановский просил Милютина, независимо от всего этого, разрешения представить к награде лиц особо отличившихся.

Надо сказать, что эти новые наступательные действия вызвали со стороны Милютина молчаливое одобрение. В резолюции на рапорте Крыжановского Милютин писал, что «вопрос ген.-ад. Крыжановского не требует ответа, ибо всякое новое приказание придет слишком поздно и будет, может быть, несообразно с обстоятельствами… Надобно надеяться, — продолжал Милютин, — что ген.-м. Мантейфель и полк. Абрамов останутся верными неоднократно уже подтвержденным инструкциям»[3].

Не без содействия Милютина, подполковник Абрамов за эту операцию был произведен в следующий чин. Министерство же иностранных дел отнеслось к этому факту крайне отрицательно. Директор Азиатского департамента Стремоухов в своем письме начальнику Главного штаба графу Ф.Л. Гейдену по поводу проекта генерала Мантейфеля овладеть Самаркандом, указывал на недопустимость образа действий туркестанского начальства, подчеркивая необходимость призвать их к порядку. «Нельзя не сожалеть о том, — писал он, — что до сих пор главные деятели в Туркестане не могут отказаться от стремления к завоеваниям и подчиниться указаниям центрального правительства. Нам постепенно указы-

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 101. Л. 311 — 311 об. Рапорт Крыжановского военному министру от 24/VI—1867 г.
[2] Там же. Л. 311 об.
[3] Там же. Л. 311.

вали на разные пункты Средней Азии, как на необходимые приобретения, долженствующие упрочить наше положение и служить пределами и оплотом наших владений. Этими пунктами по очереди были: Чимкент, Ташкент, Ходжент, Джизак, теперь же указывают уже на Самарканд, без сомнения потом пришла бы очередь и Шахрисябза и Бухары и Кундуза и Хивы…»[1] [xxvii]. Стремоухов подчеркивал, что подобный образ действий не может не вызвать со стороны Бухары «враждебных против нас замыслов. Но может ли эмир, как бы он ни был легковерен, доверять нашим словам и уверениям? Ведь мы ни на минуту не переставали уверять его, что нам не нужны новые земли и города, и ни на минуту не переставали подвигаться вперед и захватывать города и земли…»[2].

Стремление получить то или иное боевое отличие обусловливало «инициативу местного начальства» в деле дальнейшего продвижения вперед. Как справедливо отметил в своей записке «Об отношении России к Средней Азии, по поводу действия наших войск со стороны Каспийского моря» начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор А.П. Свистунов, «…при установившейся у нас системе наград, одержание легких военных успехов над нестройными толпами кочевников представляло удобнейший способ к быстрой карьере»[3]. Этим обычно и руководствовались местные военноначальники.

Такова была обстановка в Средней Азии к моменту приезда в Ташкент Кауфмана. Прибыв в Ташкент осенью 1867 г., Кауфман, ознакомившись с обстановкой в крае, решил прежде всего заняться устройством гражданского управления, одновременно с этим добиваясь урегулирования взаимоотношений с кокандским ханом Худояр-Ханом, что и было им достигнуто на крайне выгодных для России условиях. Как устройство гражданского управления, так и заключение мира с Кокандом, рассматривалось Кауфманом в первую очередь с точки зрение обеспечения тыла на случай военных действий с Бухарой.

В своем письме к Милютину от 13 ноября 1867 г. Кауфман указывал на необходимость «ударить на Бухарию, привести ее силою оружия к миру… Но найденное мною настроение умов и примеры прошлого, — писал Кауфман, — заставляют меня дать другой оборот делу… Надо сперва сделать что-нибудь для управляемых нами, надо заручиться между ними преданными людьми, надо ввести *действительное* управление и когда руки будут сколько-нибудь развязаны, тогда можно наступать

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 101. Л. 378 — 378 об.
[2] Там же. Л. 379.
[3] ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 15. Л. 16. Литографированная копия.

туда, куда обстоятельства укажут...»[1]. Эта точка зрения встретила полное одобрение со стороны Александра II, наложившего на полях цитированного выше письма резолюцию, из которой следовало, что образ действий генерала Кауфмана он находит «весьма благоразумным».

Весной 1868 г. Кауфман, после объявления Бухарским эмиром «газавата» [против неверных], двинулся к Самарканду и овладел им. Получив об этом сообщение, Милютин, в пространном письме к Кауфману, изложил свою точку зрения на дальнейшие действия в Средней Азии. В этом письме Милютин еще раз подчеркивал, что, несмотря на «блестящие успехи», достигнутые в войне с Бухарой, необходимо держаться прежнего образа действий — занятие Бухарского ханства и включение его навсегда в пределы России не соответствует интересам правительства. В этих целях, указывал Милютин, желательно было бы возможно скорее очистить занятую территорию, установив в ней такие порядки, которые обеспечили бы на будущее время сохранение с Бухарой мирных отношений. Милютин не говорил каким путем можно достигнуть этого, предоставляя решение Кауфману, но вместе с тем указывает на возможность поставить во главе Бухарского ханства кокандского хана Худояр-хана, зарекомендовавшего себя дружелюбным отношением к России. «При этой комбинации, — писал он, — может быть было бы для нас выгоднее занять нынешние владения коканские и перенести границу нашу на хребет Кашгар-Давян»[2].

Таким образом, Милютин, вопреки своей прежней точке зрения в отношении Коканда, выражает стремление к включению его в состав империи. Однако письмо это в таком виде отправлено не было. По настоянию князя Горчакова, последняя фраза о присоединении Коканда была вычеркнута и сохранилась лишь в его первоначальном варианте[3].

После заключения мирного договора с Бухарой, вопрос о вновь завоеванной территории не был окончательно решен. Министерство иностранных дел настаивало на возвращении этой территории Бухаре, к чему склонялся и Александр II. Так, во всеподданнейшем отчете за 1868 г. князь Горчаков писал: «Вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть, чтобы город Самарканд с Заревшанским округом при первой возможности был возвращен эмиру, с тем, чтобы последним была уплачена военная контрибуция в миллион рублей...»[4].

---

[1] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1867 г. Д. 16. Л. 15 — 16 об.

[2] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 106. Л. 28 об. Черновой экземпляр отношения военного министра от 6 июня 1868 г.

[3] Действительно, рукой Милютина зачеркнут абзац о Коканде и на полях его же рукой написано: «Прошу переписать этот лист» (там же.)

[4] АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. 1868 г. Л. 217 об. — 218.

Однако Милютин целиком поддерживал Кауфмана, считавшего нецелесообразным возвращение Самарканда, имевшего большое значение в смысле постоянного воздействия на Бухару. Находя его доводы вполне убедительными, Милютин вместе с тем считал, что оставление Самарканда русскими войсками может быть истолковано Бухарой, а также и другими среднеазиатскими ханствами, как признак слабости России. Эта точка зрения находила свое подтверждение в статьях английских газет. Так, газета «The Friend of India» в номере от 4 июня 1870 г. писала, что «...слух о предполагаемом оставлении русскими занятой ими части бухарских владений, т. е. Самарканда принят в Индии туземною прессою, как признак падения русского могущества...»[1].

В конце концов, точка зрения Милютина и Кауфмана победила и Самарканд с окружавшей его территорией был присоединен к России.

[Рассмотрев позицию, занимаемую Милютиным в отношении Коканда и Бухары, мы считаем возможным сделать следующие выводы. На протяжении всего периода 60-х гг. Милютин являлся сторонником активных действий, ставя своей задачей расширение владений России в Средней Азии. Нам представляется, что он руководствовался при этом в основном двумя соображениями. Во-первых, стремлением предотвратить агрессию Англии в Средней Азии. Продвижение русских войск в глубь территории Коканда и Бухары не только предотвращало возможность этого, но и создавало угрозу для Англии в отношении ее колониальных владений в Индии. Последнее, по мнению Милютина, давало возможность оказывать на Англию определенное влияние, сдерживая ее враждебную деятельность против России как в Европе, так и на Ближнем Востоке. Во-вторых, Милютин бесспорно руководствовался и причинами экономического порядка, — прекрасно понимая всю важность среднеазиатских торговых связей, он проявлял большое внимание и заботу о развитии русской торговли как в Коканде, так и в Бухаре.]

* * *

Вопрос об утверждении на восточном побережье Каспийского моря и установлении оттуда торгового пути в среднеазиатские владения, как упоминалось выше, ставился уже в конце 50-х гг., однако практической реализации не получил.

В начале 60-х гг. Военное министерство в лице Милютина признавало несвоевременным осуществление указанного мероприятия, руководствуясь при этом, как представляется нам, необходимостью

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6821. Л. 110.

сосредоточить все внимание на более важном, первоочередном вопросе — соединении Сырдарьинской и Сибирской линий. В конце же 1864 г., когда эта задача была решена и на очередь дня был поставлен вопрос о дальнейшем продвижении вглубь Среднеазиатских владений, Военное министерство по собственной инициативе выдвинуло это предложение.

В начале 1865 г. Особый комитет, обсудив вопрос об утверждении на Восточном побережье Каспия, принял решение предпринять, в виде подготовительной меры, в наступающем 1866 г. экспедицию в Красноводский залив. Экспедицию должен был сопровождать торговый караван, направленный в целях установления торговых связей с хивинцами и туркменами. Однако и это мероприятие на было реализовано из-за противодействия Министерства иностранных дел, боявшегося, в связи с этим, осложнения с Англией. Так, летом 1865 г. князь Горчаков, в одной из своих записок к Милютину, писал: «При действиях наших в Кокане и Ташкенте, я полагаю несвоевременным предприятие на берегах Каспийского моря. Лучше отложить. Разом слишком много для английского желудка…»[1].

В конце 60-х гг. Кауфман настоятельно доказывал необходимость не только занятия Красноводска, но и экспедиции в Хиву для устрашения хана. Однако Министерство иностранных дел относилось к этому по-прежнему отрицательно. «Предполагаемою Вами экспедициею делу дается совсем другой оборот, — писал Кауфману директор Азиатского департамента Стремоухов. — Мы никого не уверим, что не преследуем замыслов завоевательных. При том же, хотя Вы и предполагаете только сделать военную прогулку через Хиву, но можно биться об заклад, что тут неизбежно встретятся те же препятствия к оставлению раз уже занятой местности, которые до сих пор мы встречали повсюду»[2].

Министерство иностранных дел соглашалось лишь на занятие Красноводска в связи с необходимостью подавления волнений казахов в южной части Оренбургской степи в районе Мангышлака. Волнения эти были связаны с организацией нового управления для казахов оренбургского ведомства, увеличением кибиточного сбора, причем, по утверждению местного начальства, Хивинский хан всячески поощрял враждебные действия волновавшихся казахов против русских властей. Практически вопрос о занятии Красноводска был решен в конце 1869 г., в результате действий экспедиции, высадившейся в Красноводском заливе.

---

[1] ОР РГБ. Ф. 169. К. 36. Д. 25. Л. 7. Записка князя Горчакова от 2/VIII—1865 г.
[2] ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 10. Л. 61 — 61 об.

Наряду с этим, вопрос об организации нового торгового пути в Среднюю Азию играл далеко не последнюю роль в деле утверждения на восточном берегу Каспийского моря. «Общество для содействия русской промышленности и торговле», неоднократно обсуждая вопрос о среднеазиатской торговле, выдвигало необходимость организации кратчайшего водного пути через Красноводск, причем Милютин относился к этому с достаточным сочувствием. Однако основной причиной, вызвавшей организацию экспедиции в Красноводск, являлось стремление к дальнейшему расширению владений в Средней Азии — разрешению Хивинского вопроса и установлению единой границы от берегов Каспия до пределов Китая.

В записке Главного штаба, составленной в начале 1870 г. по поводу действий у Красноводска, следующим образом излагалась причина, вызвавшая необходимость этого мероприятия: «Неоднократно получавшиеся в минувшем году известия о подстрекательствах хивинцами наших киргизов в Оренбургской степи к беспорядкам побудили нас заблаговременно обсудить меры, на тот случай, если бы поведение Хивы привело к необходимости предпринять поход для наказания этого ханства. В этих видах было признано за лучшее занять частью войск… пункт на юго-восточном берегу Каспийского моря в Красноводском заливе, где имеется хорошая гавань и откуда пролегают кратчайшие пути в Хиву; утверждение в этом пункте представляло удобство еще в том отношении, что оно соответствовало и давнишним нашим видам о проложении торгового пути от берегов Каспия к Амударье…»[1].

Таким образом, главная цель предпринятой экспедиции представлялась Военному министерству в виде необходимости создать опорный пункт на восточном побережье Каспия для дальнейших военных действий в этой части Средней Азии и, в первую очередь, против Хивы. [Что же касается установления кратчайшего торгового пути, то это отнюдь не являлось основной целью экспедиции.]

Необходимость присоединения к России новых территорий в Средней Азии, особенно в восточной части ее, примыкавшей к Каспийскому морю, по мнению Милютина, была очевидна, о чем он прямо писал в начале 1870 г. в одном из своих писем к Стремоухову: «Что настоящее положение в Средней Азии весьма нелепо определилось, — писал он, — в этом мы все убеждены и чувствуем это на каждом шагу, что следовало бы *откровеннее* поставить вопрос о будущей нашей границе, в этом я лично также убежден…»[2]. В своем письме к Кауфману от 13 марта 1870 г., го-

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6819. Л. 25 — 25 об.
[2] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1870 г. Д. 21. Л. 31 об. Письмо Милютина от 13/IV—1870 г.

воря о взаимоотношениях с Хивой, Милютин прямо указывал на огромное значение Красноводска в случае возникновения военных действий. Таким образом, несмотря на официальные утверждения правительства[1], цель экспедиции в Красноводск в действительности являлась иной.

* * *

Вопрос о положении в Закаспийском крае обсуждался вновь в конце 1870 г., в связи с обширной запиской, поданной по этому вопросу наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией великим князем Михаилом Николаевичем на имя Александра II. На основе этого в декабре было созвано совещание под председательством великого князя Михаила Николаевича по вопросу о дальнейших действиях в Закаспийском крае, а также и для обсуждения других проблем, связанных со Средней Азией.

Мнения о дальнейшем образе действий в Закаспийском крае были различны. Так, великий князь Михаил Николаевич выступал решительным противником продвижения вглубь страны со стороны Каспийского моря, считая нежелательным дальнейшее расширение территории государства. Туркестанский генерал-губернатор Кауфман, напротив же, являлся сторонником активных действий, заявляя, что необходимо «при первом явном нарушении Хивинским правительством мирных к нам отношений, действовать наступательно и решительно»[2].

Точка зрения Милютина нашла свое выражение в «соображениях Главного штаба». Руководствуясь тем, что, с одной стороны, экспедиция в Хиву не представляет трудностей с военной точки зрения и, с другой, тем, что при оборонительном образе действий, вызывающем большие расходы, невозможно достигнуть каких-либо положительных результатов, Главный штаб высказывался за организацию похода против Хивы. «В настоящее время мы углубились уже в самый центр Средней Азии, — писал Милютин. — Обширный новый край, получивший в короткое время важное для нас значение и в торговом и в промышленном отношениях, поддерживает свои сообщения по путям, идущим чрез Оренбургскую степь, в соседстве с Хивинским ханством. Для прочности связи этого края с внутренними областями Империи, для успеха развития его благосостояния необходимо твердое устрой-

[1] В решениях Комитета по Каспийскому морю от 16/I—1870 г. указывалось, что «цель правительства при занятии пункта на восточном берегу Каспийского моря есть исключительно открытие нового торгового пути в Среднюю Азию и доставление на этом пункте торговцам безопасности и возможных удобств…» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6819. Л. 92 об.).

[2] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6828. Л. 83.

тво порядка в степном пространстве, отделяющем его от коренных русских областей, и полная безопасность на пролегающих к нему путях сообщения. И то и другое едва ли возможно достигнуть без подчинения нашему влиянию Хивинского ханства…»[1].

Вместе с тем Милютин считал, что указанная выше задача может быть решена и без завоевания всего Хивинского ханства. «Преследуя свои исключительно оборонительные цели по обеспечению спокойствия в степном крае… по охранению безопасности на сообщениях с среднеазиатскими нашими владениями и по упрочению всего нашего положения в Туркестане, мы можем *ограничиться занятием в низовье Амударьи небольшого участка, откуда можно было бы держать в повиновении хивинцев*[2], и подобно тому как занимая часть территорий ханств Коканского и Бухарского мы держим в покорности эти владения… *Для ослабления Хивы достаточно занять дельту Амударьи* (Кунградский округ[xxviii]), примерно до того места, где от реки отделяется рукав Лаудн, впадающий в Айбугирский залив Аральского моря и который, как предполагают, может быть направлен в сторону Каспийского моря…»[3]. Далее Милютин подробно останавливается на тех результатах, которых Россия добилась бы вследствие осуществления этого плана. По мнению его они заключались бы в следующем: во-первых, не распространяя чрезмерно пределов империи, южные районы Оренбургского генерал-губернаторства оказались бы совершенно изолированы от всякого влияния Хивы. Во-вторых, овладев устьем Амударьи, была бы приобретена возможность для установления прямого сообщения от Каспийского моря до Средней Азии, что естественно весьма важно как в военном, так и в торговом отношении. В-третьих, в результате отторжения части территории, Хива оказалась бы обессиленной настолько, что сделалась бы совершенно безвредной для России, вместе с тем, «сохранила бы еще достаточно средств для содержания подвластных ей племен в спокойствии»[4], и, наконец, в-четвертых, после отторжения части Хивинской территории вдоль всей среднеазиатской границы «образовалась бы цепь вассальных нам владений, которые, избавляя нас от обуз внутреннего управления…, служили бы рынками для нашей торговли и проводниками нашего влияния в глубине Азии»[5]. Таким образом, эти предложения Милютина заключались в стремлении коренным образом раз и навсегда решить хивинский вопрос.

---

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6828. Л. 89 — 89 об., 90 об.
[2] Здесь и далее подчеркнуто Д.А. Милютиным. — *П.З.*
[3] Там же. Л. 89 об. — 90 об.
[4] Там же. Л. 91 об.
[5] Там же. Л. 91 об. — 92.

Однако совещание, не отвергнув в принципе этих предложений, признало их несвоевременными, считая, что «в настоящую минуту время для этой крайней меры еще не наступило и что предварительно ее полезно испытать все средства для установления вполне удовлетворительных отношений с Хивою…»[1]. Такой же точки зрения придерживалось и Министерство иностранных дел. В течение 1871 г. Кауфман неоднократно ставил вопрос об организации похода на Хиву, однако предложения эти отклонялись, причем и Милютин, в связи с событиями в Западном Китае и оккупацией русскими войсками Илийского края, считал несвоевременным предпринимать военные действия против Хивы.

Осенью 1872 г. вопрос о походе на Хиву был поставлен самим Военным министерством. Причина этого заключалась, на наш взгляд, не столько в поведении Хивы (безрезультатность переговоров с посольствами Хивинского хана, высланными в Оренбург и Форт Александровский[xxix]), сколько в изменившейся общей обстановке, позволившей Милютину настаивать на коренном решении Хивинского вопроса.

Во-первых, к осени 1872 г. Кульджинский вопрос был в какой-то мере решен, во-вторых, точка зрения великого князя Михаила Николаевича на Хивинские дела, под влиянием рекогносцировочных экспедиций Закаспийского отряда, в корне изменилась, наконец, в-третьих, и Министерство иностранных дел не занимало уже такой непримиримой позиции по отношению к Хивинской экспедиции, как это было ранее. Все это, естественно, благоприятствовало Милютину в постановке им вопроса о необходимости похода на Хиву.

В начале сентября, по указанию Милютина, заведующим Азиатской частью Главного штаба полковником А.П. Проценко[xxx] была составлена обстоятельная записка о Хивинской экспедиции. Как указывалось в этой записке, она была написана на случай, «если бы обстоятельства окончательно убедили нас в необходимости нанести этому ханству удар в его собственных владениях»[2]. Записка подробно излагала план военной экспедиции, в которой, по мнению ее автора, должны были принять участие войска трех округов: Кавказского, Туркестанского и Оренбургского, причем главная роль отводилась Кавказскому округу, силами которого и должен был быть <нанесен> основной удар. Для этого предполагалось перевезти на судах Каспийского пароходства войска либо в Красноводск, либо к устью реки Атрек.

---

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6835. Л. 31.

[2] Там же. Д. 6852. Ч. 1. Л. 9.

Записка через несколько дней была передана для просмотра К.П. Кауфману, находившемуся тогда в Петербурге. В своих замечаниях, датированных 29 сентября, Кауфман, не возражая в целом против разработанного Главным штабом плана военных действий, указывал на необходимость выполнения всей операции возложить «всецело и исключительно» на один из военных округов, использовав войска двух других лишь как вспомогательную силу. По его мнению, общее руководство экспедицией целесообразно возложить на такое лицо, которое будет правомочно решать на месте все могущие возникнуть вопросы. Смысл всех замечаний сводился к тому, что наиболее удачным кандидатом на пост начальника экспедиции и будет он — Кауфман.

Нам представляется, что и самому Милютину казалось более целесообразным возложить руководство всей экспедицией на Кауфмана, а отнюдь не на кавказское начальство в лице великого князя Михаила Николаевича. Что же касается упоминания об этом в записке Главного штаба, то это явилось ни чем иным, как тактическим шагом, предпринятым Милютиным для своеобразной «нейтрализации» наместника Кавказа с тем, чтобы в дальнейшем, как бы против своей воли все же добиться назначения Кауфмана. В действительности так и произошло. Александр II признал наиболее целесообразным поставить во главе экспедиции туркестанского генерал-губернатора.

По-видимому, опять-таки по указанию Милютина, Кауфманом 31 октября была представлена военному министру обширная записка, в которой он, излагая историю русско-хивинских отношений за последние годы, указывал на необходимость в экспедиции против Хивы. «... Пятилетняя умеренная, выжидательная политика туркестанского генерал-губернатора в отношении Хивы оказалась неприменимой для этой страны... чтобы подчинить ее нашему влиянию, — писал Кауфман, — заставить уважать и исполнять наши умеренные, справедливые требования... мы можем обойтись и без присоединения к нашим владениям Хивинского ханства и даже части его территории..., строго преследуя наши исключительно оборонительные цели, можем ограничиться лишь нанесением решительного удара... Для ослабления же Хивы, для пресечения ей в будущем возможности и средств вредить нам, полагалось бы ограничиться взысканием с ханства значительной контрибуции. Такая мера послужит достаточною гарантией в том, что Хива, разочаруясь в своей недоступности, поддастся наконец влиянию, зависимости от нас и подчинится нашим законным, умеренным требованиям...»[1].

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6852. Ч. 1. Л. 51 об., 54 об. — 55 об.

Получив эту записку, Милютин в тот же день дал указания начальнику Главного штаба графу Гейдену «испросить высочайшее соизволение» на проведение подготовительных мероприятий к предстоящей экспедиции и вместе с тем ознакомить с предложением Кауфмана как Крыжановского, так и «кавказское начальство». Наряду с этим Милютин указывал на необходимость выяснить в Министерстве иностранных дел мнение его в отношении предполагаемого Хивинского похода, подчеркивая при этом, что «...нет надобности входить во все подробности самого ведения экспедиции...»[1].

23 ноября в Военном министерстве Милютиным было проведено совещание с участием Кауфмана и Крыжановского, на котором был утвержден план предстоящего похода и окончательно установлены сроки его — весна 1873 г.. 4 декабря под председательством Александра II было созвано Особое совещание, на котором по вопросу о Хиве решено: «...Не откладывать далее наказания Хивы, и нынешнею же весною, открыть против нее военные действия... под главным начальством туркестанского генерал-губернатора»[2]. Вместе с тем в постановлении Особого совещания указывалось, что при этом «...должна быть в точности и неуклонно соблюдена высочайшая воля Его Императорского Величества, чтобы Хивинское ханство или часть его не были присоединены к Империи»[3]. На этом категорически настаивало Министерство иностранных дел, боявшееся осложнений с Англией. На основании решения Особого совещания, несколько дней спустя, 8 декабря, Милютиным был представлен всеподданнейший доклад, подробно излагавший план и задачи намеченной экспедиции.

Как говорилось уже выше, цель этого похода представлялась Милютину несколько иначе, нежели Министерству иностранных дел. В указанном всеподданнейшем докладе Милютин, изложив основную задачу экспедиции, писал: «...Следует сообразить на месте, какого рода меры могли бы быть приняты для предупреждения на будущее время враждебных действий Хивы — дабы избежать новых экспедиций... и вместе с тем, для предохранения наших областей от всякого влияния от хивинцев. В настоящее время Хивинская территория прикасается к трем военным округам, разъединяя пограничные их местности совершенно. На всем обширном пространстве от Красноводска до Сырдарьи, — продолжал Милютин, — мы вынуждены держать цепь отрядов, которые стоят

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6852. Ч. 1. Л. 47 об.
[2] АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. 1872 г. Ч. 1. С. 185 об. — 186.
[3] Там же. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1872 г. Д. 12. Л. 33 об. — 34.

нам дорого, но не в состоянии вполне обеспечить спокойствие в пограничном крае. Мы не имеем не только никаких прямых сообщений между линиями Красноводской и Сырдарьинской, но даже главный путь сообщения Туркестанского края с внутренними губерниями Империи… остается открытым для нападения хивинских шаек…»[1]. Далее Милютин указывал на необходимость, «пользуясь случаем предстоящего движения в при Амударьинский край», исследовать на месте возможность занятия какого-либо пункта либо на южном побережье Аральского моря, либо в устье Амударьи, дабы «прикрыть степные области от всяких покушений со стороны хивинцев… и вместе с тем могли бы установить прямой путь сообщения между восточными портами Каспийского моря и Туркестаном»[2]. Ниже подробно аргументировалась важность этих мер, как в военном, так и в экономическом отношении.

В заключение Милютин указывал, что «…занятие пункта в низовье Амударьи не предполагается как непременная цель Хивинской экспедиции. Быть может по ознакомлении с местными обстоятельствами изыскано будет другое лучшее средство достигнуть желаемого результата… Изыскание этого средства, равно как и способов достижения общей цели экспедиции… может быть предоставлено ближайшему соображению того главного начальника, который будет руководить действиями наших отрядов на месте…»[3].

Анализируя этот доклад Милютина, мы обнаруживаем в нем ту же мысль, которая в более полной и отчетливой форме была выражена им в «Соображениях Главного штаба», написанных в конце 1870 г. Цель Хивинской экспедиции, по его мнению, должна заключаться не только в наказании Хивы, но и в осуществлении таких мер, которые раз и навсегда обеспечили бы спокойствие и безопасность южных районов Туркестанского генерал-губернаторства, установили бы более короткий и безопасный торговый путь, соединяющий среднеазиатские владения с внутренними губерниями империи и вместе с тем обессилили бы Хиву настолько, что необходимость повторных экспедиций была бы в дальнейшем исключена.

Нельзя отказать Милютину в попытке кардинально решить Хивинский вопрос, в то время как точка зрения Министерства иностранных дел, сводившаяся лишь к стремлению «наказать Хиву», естественно не могла привести к каким-либо существенным изменениям и не исключила бы возможности необходимости повторения подобных экспедиций в

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6852. Ч. 1. Л. 122—122 об.
[2] Там же. Л. 122 об. — 123.
[3] Там же. Л. 123 — 123 об.

будущем. Несколько иная постановка вопроса в отношении целей предполагаемой экспедиции, даваемая Милютиным во всеподданнейшем докладе, являлась, на наш взгляд, ничем иным как тактическим приемом. С одной стороны, он определенно указывает на необходимость отторжения от Хивы части ее северных владений, с другой стороны, дабы не впасть в прямое противоречие с постановлением Особого совещания, Милютин не исключает возможности добиться желаемого результата и другим путем, предоставляя это решать на месте Кауфману.

Не настаивая в категорической форме на необходимости присоединения части Хивинской территории, Милютин вместе с тем обеспечивал решение этого вопроса в желательном для себя духе, поскольку оно предоставлялось туркестанскому генерал-губернатору. И действительно, по договору, заключенному Кауфманом с Хивой 12 августа 1873 г.[xxvi], значительная часть Хивинских владений, лежащих к северу от Амударьи, были присоединены к России. Программа, намеченная Милютиным, вопреки противодействию Министерства иностранных дел, оказалась выполненной.

* * *

События в Западном Китае — восстание дунган (китайских мусульман) и распространение его в пределы пограничной русским владениям Кашгарии (Восточный Туркестан), привлекали к себе большое внимание дипломатических и военных кругов русского правительства. Ослабленное войной с Англией и Францией, а также движением тайпингов, китайское правительство не имело сил для подавления этого восстания и фактически в ряде провинций власть его перестала существовать.

Все это усугублялось еще в пограничном России Кульджинском районе (т. н. Илийском крае) борьбой различных национальных групп населения (дунгане, таранчи), и образованием самостоятельных ханств Дунганского, Кашгарского и Таранчинского. Естественно, что подобное положение наносило существенный ущерб русско-китайской торговле, а также приводило к ряду пограничных инцидентов и столкновений. К тому же надо упомянуть, что английское правительство, стремясь использовать сложившееся положение для укрепления своих позиций в Западном Китае, подчинило своему влиянию Кашгарского султана Якуб-бека и оказывало ему всемерную помощь в расширении его владений. Не ставя своей задачей изложить историю так называемого Кульджинского вопроса, мы постараемся выяснить лишь позицию различных ведомств по отношению к этим событиям.

Еще в конце 60-х гг. Кауфман ставил перед Милютиным вопрос о необходимости занятия Кульджи для возвращения ее китайскому правительству, однако разрешения на это не получил. Летом же 1870 г. сам Милютин разрабатывает проект экспедиции в Илийский край с целью занятия как Кульджи, так и Урумчи. К сожалению, мы не располагаем этим проектом и узнаем лишь о нем из письма Кауфмана директору Азиатского департамента Стремоухову, в котором он, подвергая указанный выше проект серьезной критике, писал: «Я считаю его, — говорил Кауфман, — неисполнимым и вредным… не могу понять, как можно составлять подобные проекты за 4 тыс. верст от места исполнения и без участия тех, которым придется вести дело. Не могу понять, отчего мысль моя в прошлом году показалась дикою и я получил довольно колкие ответы на эту мысль, а через несколько месяцев она не только принята, но обязывают сделать гораздо более того, что я предполагал… я доказываю, как могу, что не следует осенью предпринимать походов к Урумчи. По моему мнению, следует ограничиться занятием Кульджи…»[1].

Из приведенных выше слов мы можем заключить, что Милютин в 1870 г. считал необходимым занятие не только Кульджи, но и Урумчи, однако остается невыясненным ряд вопросов: во-первых, чем объяснялось изменение взглядов военного министра, отклонившего год тому назад предложение Кауфмана по поводу Кульджи, и, во-вторых, в каких целях считал он необходимым занять Илийский край.

Ответ на первый вопрос надо искать, по-видимому, в усилении английских происков в Кашгарии и попыток англичан подчинить своему влиянию Илийский край, что естественно давало основания Милютину поставить вопрос о необходимости перехода к активным действиям. Что же касается ответа на второй вопрос, то, как нам представляется, Милютин не являлся сторонником занятия Илийского края для передачи его китайскому правительству. Мы не располагаем прямыми высказываниями его по этому поводу, однако, ряд косвенных указаний дают нам эти основания. Так, в резолюции на письме Кауфмана от 16 августа того же 1870 г. Милютин писал: «Конечно, наше положение в отношении к Западному Китаю не совсем выгодно, и нельзя не пожалеть, что мы назначили себе такую невыгодную границу. Занятие Кульджи и Чугучака было бы делом нетрудным. Но ген.-ад. Кауфман предполагает занять эти города только для того, чтобы передать их китайцам, а между тем сам же признает, что китайское правительство так

[1] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1867 г. Д. 16. Л. 57 об. — 58. Письмо Кауфмана Стремоухову от 21/XI—1870 г.

слабо, что не в состоянии держаться в этой отдаленной окраине...»[1]. Анализируя эту резолюцию, нельзя не обнаружить неблагожелательное отношение Милютина к стремлению Кауфманом возвратить эту территорию китайцам.

Осенью 1870 г. под председательством Милютина было созвано Особое совещание из представителей министерств военного и иностранных дел, для обсуждения вопроса о положении в Западном Китае. Как рассказывает Милютин в своих «Воспоминаниях», «...необходимо было установить наш образ действий на крайнем Востоке: оказать ли действительную материальную помощь дружественной соседней державе, для восстановления законной власти в отложившихся ее областях, или же, в виду безнадежного положения этой власти, войти в соглашение с представителями Дунганского восстания и стараться образовать в ближайшем нашем соседстве небольшие мусульманские владения, которые были бы нашими естественными союзниками в случае возможных в будущем столкновений наших с Китаем. Некоторые из военных членов совещания высказывали мнение в этом последнем смысле»[2]. Таким образом, ставился вопрос о превращении образовавшихся на территории Илийского края государств в вассальные России владения. Нам представляется, что Милютин принадлежал к этим «некоторым из военных членов совещания», считавших необходимым превратить эту территорию в вассальные России владения, поскольку вопрос о присоединении Илийского края к России прямо поставлен быть не мог.

По настоянию Министерства иностранных дел это предложение было отклонено и принято решение «...оставаться пока в выжидательном положении, дать время Пекинскому правительству восстановить свою власть в возмутившихся областях, а до того времени избегать по возможности столкновений и с дунганами, пока не будет с их стороны каких-либо враждебных против нас действий»[3].

Когда в 1871 г. Министерство иностранных дел принуждено было дать санкцию на вступление русских войск в Кульджу, оно обусловило эту меру немедленной передачей занятой территории китайскому правительству, для чего требовало присутствия при отряде выделенных для оккупации Илийского края как китайских сановников, так и китайских войск для передачи им немедленно управления краем. Однако обстоятельства сложились иначе: при оккупации края не только не при-

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6823. Л. 238.

[2] ОР РГБ. Ф. 169. К. 16. Д. 3. Л. 128—129. (См.: Воспоминания Д.А. Милютина. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 330—331 — *прим. ред.*).

[3] Там же. Л. 129. (Опубл., см.: Воспоминания Д.А. Милютина. 1868 — начало 1873. С. 331 — *прим. ред.*).

сутствовали китайские представители, но даже больше того, китайское правительство, чувствуя бессилие восстановить свою власть в Западном Китае, дало уклончивый ответ на предложение русских властей.

В силу этого Министерство иностранных дел должно было естественно изменить свою точку зрения. В высочайше утвержденном отношении управляющего Министерством иностранных дел В.И. Вестмана генерал-майору Влангали от 30 июля 1870 г., сохранившемся в делах Главного штаба, указывается, что основная цель занятия Кульджи — возвращение ее Китаю, однако «...в виду полученного от китайского правительства уклончивого ответа, казалось для нас более выгодным и удобным не обязывать туркестанского генерал-губернатора непременно стремиться к восстановлению китайской власти в Илийской долине, а предоставить его усмотрению содействовать к утверждению в этом крае такого порядка вещей и такого управления, которое всего более соответствовало бы нашим интересам... лучшим результатом наших последних военных действий было бы образование в соседстве с нами владения, которое подобно Коканскому ханству находилось как бы в вассальных отношениях к России»[1]. Вместе с тем, Министерство иностранных дел указывало, что присоединение к России этой территории было бы крайне невыгодно.

Отношение Военного министерства к Кульджинскому вопросу легко обнаруживается при анализе рассматриваемого нами документа. Все фразы, в которых указывается на невыгодность присоединения Кульджи, подчеркнуты и на полях сделаны соответствующие пометки. Так, против фразы, в которой говорится, что присоединение Кульджи «следует признать *самым плачевным, самым для нас невыгодным*»[2], на полях написано: «ха-ха, ха»; против фразы, указывающей на необходимость скорее разрешить Кульджинский вопрос, чтобы избежать «*...невыгодной для нас крайности водворить там русскую власть навсегда*»[3], на полях — «Удивительно!!». Анализируя эти пометки, нам представляется, что они принадлежат перу заведующего Азиатской частью Главного штаба полковнику А.П. Проценко[4]. Мы далеки от мысли лишь на основе указанных пометок доказывать, что и самому военному министру был присущ такой же взгляд на Кульджинский вопрос, однако анализ

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 10 — 10 об.

[2] Там же. Л. 10 об.

[3] Там же. Л. 11.

[4] Надо сказать, что и на других документах имеются аналогичные пометки. Так, в отношении управляющего Министерством иностранных дел военному министру от 18 сентября 1871 г. говорится о необходимости «употребить все зависящие средства для устранения возможности *присоединения* со временем Кульджинской земли к нашим владениям». Против этой фразы тем же почерком на полях написано: «Непонятно до крайности!» (там же. Л. 13).

отношения его к тем или иным мероприятиям в Кульдже дает основания для подобного утверждения.

Милютин всячески оправдывал действия Кауфмана, направленные на введение русского управления во вновь занятом крае. Так, например, на отношении директора Азиатского департамента Стремоухова, указывавшего на недопустимость поведения Кауфмана, выступавшего с прокламацией к населению Кульджи, декларировавшей установление русских законов, Милютин писал: «…Мог ли главный начальник, обращаясь к населению края, только что занятого нашими войсками, говорить иначе, как опираясь на волю государя, мог ли он, н[а] пр[имер], говорить им, что русские войска вступили в край только для того, чтобы передать его китайцам? Он сделал бы большой промах, если бы дал им заметить, что русские только временные гости в крае… Что будет далее, увидим»[1]. Также выступает в защиту Кауфмана Милютин и в отношении введения им беспошлинной торговли в Кульдже, что вызвало большую тревогу в Министерстве иностранных дел, усматривавшего в этом опять-таки стремление насаждать русские порядки в оккупированной области.

В конце 1872 г. состоялось под председательством Александра II Особое совещание по делам Средней Азии, которое по вопросу об Илийском крае приняло следующее решение: «В случае усмирения китайскими войсками восставших областей… Илийская область должна быть возвращена Китаю… Если же китайцы окажутся бессильными выполнить эту программу, то Илийская область должна остаться за нами…»[2].

Надо сказать, что Милютин далеко не был согласен с подобной точкой зрения, и в своих замечаниях на проект постановления Особого совещания указывал, что хотя он и не собирается протестовать против решения об Илийском крае, но «…вполне убежден, что Кульджу *ни в коем случае* нельзя будет возвратить китайцам…»[3]. Таким образом, резюмируя все сказанное, нам представляется очевидным стремление Милютина сохранить Илийский край в составе Российской империи.

Позиция Милютина в 1879—1880 гг., в период переговоров с Китаем о возвращении Кульджи, остается недостаточно выясненной. В своем «Дневнике» за 1879 г., рассказывая о проводившемся у него совещании по вопросу о возвращении Кульджи, он записывает: «…Пришли к заключению, что достоинство государства требует от нас честного исполнения обещания, неоднократно повторенного, — возвратить Кульджу,

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6842. Л. 55—56.
[2] АВПРИ. Ф. 161. I—9. Оп. 8. 1872 г. Д. 12. Л. 34 — 34 об.
[3] Там же. Л. 40. Подчеркнуто в тексте документа. — *П.З.*

но не прежде как по некоторым вопросам торговым и по удовлетворению многих прежних наших претензий, так и по исправлению нашей границы с Китаем к Северу от Тянь-Шаня, а в особенности по обеспечению участи народонаселения уступаемой нами китайцам Илийской области…»[1]. Даже характер этой записи в «Дневнике» на наш взгляд говорит, что отношение Милютина к вопросу о возвращении Кульджи определилось не столько его личными соображениями, сколько международной обстановкой, сложившейся в тот период. Ведь не случайно он говорит не о возвращении Кульджи, а об уступке ее Китаю.

* * *

Вопрос о завоевании Туркмении нельзя рассматривать вне связи с англо-русскими противоречиями в Средней Азии. Эти противоречия находили свое выражение, с одной стороны, в стремлении английского империализма к экспансии в сторону Каспийского моря, и, с другой, в противодействии этому со стороны России, опасавшейся за судьбу своих среднеазиатских владений и также заинтересованной в подчинении Туркмении своей власти.

Еще в первой половине 70-х гг. предпринимались попытки к подчинению отдельных туркменских племен, однако вплотную вопрос о завоевании Туркмении был поставлен в конце 70-х гг., когда, с одной стороны, война Англии с Афганистаном сделала реальной угрозу английской экспансии в сторону Каспия, а, с другой стороны, значительно обострились англо-русские противоречия на Ближнем Востоке.

В 1878 г., в период подготовки к Берлинскому конгрессу, для того, чтобы парализовать действия Англии в Европе, было сформировано три специальных отряда войск, выступивших из Туркестана и Закаспийского края в строну Афганистана. Однако, предварительное соглашение, заключенное графом П.А. Шуваловым с Англией, и мирный исход Берлинского конгресса, несколько ослабив англо-русские противоречия, сделали ненужным проведение этой экспедиции[xxxii].

В начале 1879 г., по инициативе наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича, был поставлен вопрос о необходимости занятия всего Ахал-текинского оазиса[xxxiii]. В своем рапорте от 22 января на имя Александра II великий князь Михаил Николаевич указывал, что осуществление этого мероприятия «положит конец как невыгодным толкам, так и дерзким происками английских агентов»[2]. Вместе с тем он, подчер-

[1] ОР РГБ. Ф. 169. К. 3. Д. 3. Л. 36.
[2] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6861. Л. 8 об.

кивая огромное значение обладания Туркменией, писал: «...чем скорее мы займем текинский оазис, тем скорее будем обладать передовым пунктом, могущим послужить базисом для наших предприятий в Средней Азии...»[1]. Вполне естественно, что в связи с английской экспедицией в Афганистане, Туркменский вопрос приобретал большое значение.

Надо сказать, что на сей раз разногласий по этому вопросу внутри правительства не было. На совещании, созванном великим князем Михаилом Николаевичем 21 января, накануне представления им рассматриваемого выше рапорта, на котором присутствовали как Милютин и начальник Главного штаба граф Гейден, так и представитель Министерства иностранных дел, было принято единогласное решение об организации экспедиции.

Разногласия произошли лишь по вопросу о Мерве. Великий князь Михаил Николаевич настаивал на занятии Мерва, указывая, что овладение текинским оазисом «...не есть цель операции, а только главнейший шаг наш к окончательному решению вопроса о Мерве и замкнутию границы нашей фактическими владениями Персии, Афганистана и Бухары...»[2]. Однако Милютин выступил решительным противником этого и в своем всеподданнейшем докладе от 19 февраля 1879 г. писал: «...Занятие Мерва, хотя бы и признавалось предприятием удобоисполнимым, особенно после разгрома текинцев, было бы однако ж для нас невыгодно в политическом и особенно в экономическом отношении. Поэтому движение из Ахал-текинского оазиса далее к Мерву должно быть строго воспрещено...»[3].

Нам представляется, что позиция Милютина в Мервском вопросе определялась не столько принципиальными соображениями, сколько тактическими — одновременная операция против Туркмении и Мерва, по-видимому, казалась ему рискованной. Подтверждением этого положения является благожелательное отношение Милютина к занятию Мервского оазиса впоследствии, о чем свидетельствует его «Дневник». Вместе с тем Милютин категорически возражал против помощи персидских войск, которую с готовностью предлагало персидское правительство, находя ее «излишнею и нежелательною».

После неудачного похода 1879 г. вопрос о завоевании Туркмении был снова поставлен великим князем Михаилом Николаевичем в начале следующего — 1880 г. В особой записке «О предстоящих военных

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6861. Л. 9.
[2] Там же. Л. 58.
[3] Там же. Л. 61.

действиях в Закаспийском крае», датированной 21 января 1880 г., великий князь Михаил Николаевич, ставя вопрос об организации новой экспедиции в Туркмению, писал, что «Политические события, последовавшие по заключении Сан-Стефанского договора, заставили нас обратить особенное внимание на Среднюю Азию и приготовить там в будущем такой базис, который давал бы возможность оказывать на Афганистан и Индию давление достаточно сильное, чтобы хотя отчасти парализовать действия Англии в Европе… Утверждение англичан в Афганистане без соответственного движения вперед с нашей стороны грозило подрывом значения нашего в Средней Азии»[1]. Далее великий князь Михаил Николаевич указывал, что движение англичан к Герату создаст для них широкие возможности в снабжении туркмен оружием и подчинению последних своему влиянию. Все это создает, по мнению наместника Кавказа, непосредственную угрозу владычеству России в Средней Азии и требует определенных контрмер. «Поэтому, — писал он, — наша задача в Средней Азии стать в такое положение, чтобы сделаться неуязвимым со стороны англичан и поставить их в положение обороняющихся…»[2]. Поэтому необходимо установить границу по водоразделу Гиндукуша и Парамизского хребта по гребню Копет-Дага. «Такая граница, — утверждал он, — …будет вместе и научною и стратегическою: тогда мы будем географически отделены от английских владений и получим возможность угрожать англичанам в Афганистане, а следовательно и в Индии. Поставив себе эту цель как конец наших движений в Средней Азии, мы должны идти к ней неуклонно, подвигаясь вперед при первой возможности и первым шагом для этого должно быть занятие Ахал-Текинского оазиса, так как этим мы приобретаем уже часть указанной границы по хребтам Кюрен-Даг и Копет-Даг и тем самым преодолеваем главнейшие затруднения к достижению предположенной задачи…»[3]. Следовательно, необходимо немедленное завоевание Туркмении, дабы предотвратить возможность английской экспансии. Таков вывод, к которому приходит великий князь Михаил Николаевич.

Решительным противником экспедиции на сей раз выступил начальник Главного штаба граф Ф.Л. Гейден. В своей записке на имя военного министра от 7 февраля 1880 г. он выражал сомнение в успехе намечаемой экспедиции, вызывающей издержки и ослабляющей силы Кавказской армии. Кроме того, занятие Ахал-текинского оазиса вызо-

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6862. Ч. 1. Л. 57 — 57 об.
[2] Там же. Л. 58 об.
[3] Там же. Л. 58 об. — 59.

вет, по его мнению, огромное увеличение расходов, что являлось также нецелесообразным. «Я не могу не доложить Вашему Сиятельству, — писал граф Гейден, — что по моему крайнему убеждению гораздо целесообразнее в видах действительного увеличения нашего могущества в Средней Азии и ослабления значения англичан в этой части Азии затратить эти сто миллионов[1] на проведение от Оренбурга железной дороги в Туркестанский военный округ, чем тратить их на экспедиции в безводные пустыни. Проведение такой дороги будет могущественным средством не только для противодействия происками Великобритании но и для борьбы с ней, если обстоятельства нас к тому вынудят, и во всяком случае послужат верным средством к развитию торговли и промышленности Средней Азии...»[2]. В заключение граф Гейден выражал «крайнее убеждение в бесполезности и несвоевременности производить ныне экспедицию в Ахал-теке. Мне кажется, — писал он, — гораздо более выгодным при настоящем положении дел, вовсе бросить Закаспийский край, оставив лишь небольшой гарнизон в Красноводске и ограничиться мирными торговыми сношениями с туркменами...»[3].

В течение 11 и 12 февраля под председательством Милютина происходило совещание по вопросу «о предстоящих действиях наших в Закаспийской степи», на котором обсуждались предложение как великого князя Михаила Николаевича и графа Гейдена, так и представителя Министерства иностранных дел барона А.Г. Жомини. Мнение барона Жомини сводилось к тому, что никакие соглашения с Англией по вопросам Средней Азии в настоящий период не могут достигнуть никакой цели. «В настоящее время, когда управление делами находится в руках у парламентского большинства, — писал он, — правительства состоят в безусловной зависимости от общественного мнения... Подвергаясь постоянным нападениям оппозиции они вынуждены, для удержания власти в своих руках, одерживать постоянные успехи. Но в политике успех одного делается на счет другого. Поэтому борьба неизбежна и одна сила разрешает вопросы... В силу этого не может быть и речи о каком бы то ни было соглашении с Англией, по крайней мере пока существует настоящее министерство... Английское правительство остановится лишь перед материальными препятствиями, поэтому нам следует озаботиться не о соглашении с ним, а о создании ему препятствий...»[4]. В силу этого барон Жомини полагал, что единственно правильным будет не стрем-

[1] По его мнению расходы на экспедицию должны были выразиться в этой сумме.
[2] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6862. Ч. 1. Л. 105 об.—106.
[3] Там же. Л. 107 — 107 об.
[4] Там же. Л. 158 — 159 об.

ление к соглашению с Англией, что будет расцениваться ею как признак слабости России, а упрочение положения в Туркмении «…не только с целью защищать себя от всякой атаки, но и с целью устройства операционной базы, могущей служить нам для активной обороны…»[1]. В отношении же Мерва барон Жомини считал целесообразным не распространять на него своего влияния и «…допустить персиян восстановить по их усмотрению их права над ним…»[2]. Такова точка зрения барона Жомини, целиком поддержанная присутствовавшим на совещании представителем Министерства иностранных дел Мельниковым.

Обсудив рассмотренные выше записки, совещание, соглашаясь с мнением графа Гейдена относительно того, что экспедиция в Туркмению и постоянное содержание там войск приведет к огромным издержкам, вместе с тем «…не могло однако не обратить самого серьезного внимания на агрессивную политику Великобритании, которая при нашем бездействии, может совершенно поколебать положение России в Азии и повести там в скором времени к жертвам еще несравненно большим, чем какие ныне предвидятся…»[3]. В силу этого Совещание пришло к заключению о необходимости принятия активных мер в целях противодействия наступательной политике Англии. В этих целях и было решено предпринять экспедицию в Туркмению в текущем году. Осуществление этого, по мнению совещания, могло быть проведено двумя путями: либо молниеносным ударом на Ахалтекинский оазис, причем вся операция была бы закончена в несколько месяцев, либо созданием первоначально прочной операционной базы и постепенным подчинением этой территории со включением ее в состав Российской империи.

Руководствуясь тем, что первый путь из-за отсутствия баз повлек бы за собою неизбежно очищение оазиса после проведенной экспедиции, совещание высказалось за второй. Для создания прочной операционной базы, было решено, во-первых, занять Кызыл-Арват и организовать там таковую, и во-вторых, соорудить от Михайловского залива до Кызыл-Арвата ширококолейную железную дорогу. Все это, по мнению совещания, и должно было обеспечить прочный успех предстоящей экспедиции.

Если на сей раз никаких разногласий по вопросу действий в Средней Азии между Милютиным и Министерством иностранных дел не было, да и не могло быть, так как в этот период он фактически руководил внешней

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6862. Ч. 1. Л. 161.
[2] Там же. Л. 161 об.
[3] Там же. Л. 154 — 154 об.

политикой России, то решительным противником предпринимаемой экспедиции, помимо графа Гейдена, выступил министр финансов С.А. Грейг. Свое мнение по этому вопросу было выражено им в особой записке, представленной Александру II 28 февраля. Остановившись подробно на финансовом положении страны, исключающем возможность увеличения затрат, Грейг указывал, что руководствуясь внешне-политическими соображениями, также не следует предпринимать экспедиции. По его мнению, Англия не будет предпринимать сама по себе наступательных действий в Средней Азии, движение же в Туркмению, наоборот, приведет к активизации ее деятельности в этих пределах. «Силу нашу в отношении Англии, — писал Грейг, — составляет резкая вражда господствующих в ней двух политических партий. Эта борьба парализует честолюбивые замыслыториев и делает их действия нерешительными. Ей и единственно ей обязаны мы тем, что в последнюю войну вмешательство Англии в восточные дела не перешло в открытую с нами войну… Соединить обе партии и сплотить против нас всю разрозненную теперь Англию было бы крайне нерасчетливо, а соединить их можно лишь в том случае, если станет очевидно, что мы систематически подступаем к индийским пределам»[1].

Далее Грейг обращал внимание, что особенно в настоящее время, накануне парламентских выборов в Англии «…вряд ли может быть в расчетах нашей внешней политики давать поводы к усилению партии нам враждебной и к ослаблению партии, которая хочет жить с нами в мире и согласии»[2]. Наконец, переходя к внутриполитическому положению, Грейг также указывал на нежелательность каких-либо военных предприятий. «…Борьба с внутренним, в подполье скрывающимся, неуловимым доселе врагом, требует, с одной стороны, огромных и дружных усилий, с другой же стороны, русское общество в нынешнюю трудную пору находится в болезненно-тревожном состоянии. Нужно теперь как можно более тишины, мира и спокойствия…»[3].

Резюмируя все сказанное, Грейг писал, что «…приобретение Закаспийских степей, бесплодных, безводных, без всяких зачатков оседлости… не обещает нам ничего, кроме новых и постоянно возрастающих военных, финансовых и политических затруднений…»[4]. В заключение Грейг указывал, что, если в ущерб другим государственным нуждам, необходимо «…готовиться к борьбе именно с Англией, то я не колеблясь отдам предпочтение сосредоточению всех наших усилий на приготов-

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6862. Ч. 1. Л. 230 об. — 230а.
[2] Там же. Л. 231.
[3] Там же. Л. 231 об.
[4] Там же. Л. 232 об.

ление этой борьбы со стороны Туркестана...»[1]. С этой целью он, признавая бессмысленным строительство Закаспийской железной дороги, рекомендовал строить дорогу, соединяющую Оренбург с Ташкентом.

Эту же точку зрения Грейг развивал на совещании у великого князя Михаила Николаевича, где решался окончательно вопрос об экспедиции в Туркмению. Однако, в конце концов, победила точка зрения Милютина. 29 февраля им была представлена записка, в которой он разбирал подробно положения, выдвинутые Грейгом, и далее опровергал их. «Это заявление министра финансов, разделяемое генерал-адъютантом графом Гейденом, — писал военный министр, — повело к следующему разъяснению вопросов: 1. В политическом отношении. Судя по фактам, Англия еще очень далека от мирных заявлений, напротив до сих пор она систематически преследует наступательную против нас политику, которая с каждым годом получает все обширнейшее развитие. Подчинив себе Азиатскую Турцию, разрушив Афганистан, завязав тесные связи с туркменами и усиливаясь склонить ныне на свою сторону и Персию, она осязательно начинает угрожать нашей Каспийской области. Поэтому оставаться с этой стороны в бездействии признается невозможным тем более, что это бездействие пагубно отразилось бы на все соприкосновенные нам азиатские народы, крайне впечатлительные ко всем проявлениям силы или слабости»[2].

Вместе с тем Милютин соглашался с необходимостью «...устранить из наших действий всякий вызывающий по отношению Англии характер и лишить английское министерство поводов возбуждать против нас общественное мнение»[3], особенно в период выборов. С этой целью он соглашался отложить постройку железной дороги до мая, т. е. окончания выборов, а также отказаться от демонстрации против Мерва. В военном отношении он также находил необходимым произвести намеченную экспедицию в целях упрочения положения России; «...помимо Туркестана, — писал Милютин, — нам необходим для охранения собственной безопасности опорный пункт, который прикрыл бы пространство между Каспийским морем и бассейном Аму, ...без занятия этой позиции Кавказ и Туркестан будут всегда разъединены; остающийся между ними промежуток уже и теперь является театром английских происков, в будущем же может дать доступ английскому влиянию непосредственно к берегам Каспийского моря. Занятие анг-

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6862. Ч. 1. Л. 237 об. — 238.
[2] Там же. Ч. 2. Л. 3 — 3 об.
[3] Там же. Л. 3 об.

личанами Кветы и Кандагара, быстро производимая ими постройка к этому пункту железной дороги от Инда и стремление их водвориться в Герате, ясно обозначают тот кратчайший и важнейший путь, на котором должно состояться или столкновение, или примирение между Англией и Россией. Обнажать этот путь, оставлять его совершенно неприкрытым, неподготовленным к встрече энергичного врага и рассчитывать в случае необходимости на кружные действия из Туркестана... или со стороны Кавказа... было бы большой ошибкой непредвидения, непоправимой по возможным последствиям...»[1]. Далее Милютин указывает, что если расходы на «Текинскую экспедицию» и представляются «чрезмерными», то в случае английской экспансии к Каспийскому морю, России придется пожертвовать значительно большими материальными затратами.

Резюмируя все сказанное, Милютин выдвигает следующие предположения: «1. Не отступать от раз принятого плана; не делать крайне опасного шага назад, который в глазах Европы и Азии был бы выражением нашей слабости, дал бы еще большую смелость нашим противникам и мог бы обойтись России еще несравненно дороже, чем предполагаемая экспедиция. 2. Ограничить свои действия (без всяких порывов вперед) исключительно тем, что необходимо для прочного ограждения собственных пределов. Цель же эта может быть достигнута или нанесением решительного удара текинцам, или такою им угрозою, которая заставила бы их подчиниться нашей власти...»[2]. Таким образом, восторжествовала точка зрения Милютина, в соответствии с которой и проводилась экспедиция в Туркмению в 1880—1881 гг.

Анализируя взгляды Милютина на Туркменскую проблему, нельзя не признать, что он, в отличие от графа Гейдена и Грейга, прекрасно понимал всю реальность английской экспансии в районе Каспийского моря, а также огромное значение Туркмении, как с точки зрения укрепления России в Средней Азии, так и установления наиболее выгодных торговых путей, соединяющих среднеазиатские владения с внутренними губерниями Империи.

* * *

[Проследив отношение Милютина к среднеазиатским вопросам на протяжении двадцати лет его государственной деятельности, мы можем сделать ряд выводов.

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6862. Ч. 2. Л. 4 об.
[2] Там же. Л. 5 об. — 6.

На протяжении всего этого периода Милютин являлся сторонником активных действий в Средней Азии, преодолевая не без успеха сопротивление князя Горчакова, придерживавшего-]

* * *

Рассмотрев позицию различных ведомств в вопросе завоевания Средней Азии, мы можем сделать следующие выводы. Наиболее активную роль в деле завоевания занимало военное министерство во главе с Д.А. Милютиным. Завоевание Средней Азии рассматривалось военным министром в первую очередь с точки зрение предотвращения возможности английской экспансии в этих районах, а также создания плацдарма для нанесения Англии удара в наиболее уязвимое для нее место, дабы парализовать враждебные действия ее в Европе. Если в Восточном вопросе Милютин проявлял большую умеренность, всячески опасаясь столкновений с Англией в Европе, что могло привести к созданию европейской коалиции, то в Средней Азии он, наоборот, отнюдь не боялся осложнения англо-русских отношений, прекрасно понимая, что здесь Англии придется действовать без союзников.

Наряду со стремлением противодействовать английской экспансии Милютин, в вопросе завоевания Средней Азии руководствовался вместе с тем и экономическими соображениями. Проявляя большую заботу о развитии русской промышленности и торговли, Милютин прекрасно понимал огромное значение Средней Азии, как рынка сбыта и источника сырья для текстильной промышленности[xxxiv].

Наконец, в вопросе завоевания Средней Азии военный министр в какой-то мере выражал и интересы определенных кругов дворянства, заинтересованных в территориальных приобретениях, а также военно-служилой бюрократии, оказывавшей на него определенное влияние.

Помимо военно-служилой бюрократии, представленной местным генералитетом, заинтересованном в непрерывных военных действиях, весьма большое значение в смысле развертывания военных действий, а следовательно и завоевания новых территорий имели офицеры — командиры отдельных отрядов. Стремление получить чины и награды активизировало подобную деятельности, при благосклонном <нрзб> их командования.

Министерство иностранных дел занимало в вопросе завоевания Средней Азии более умеренную позицию, опасаясь каких-либо осложнений с Англией. Интересно отметить, что наиболее консервативные представители российского правительства, к которым принадлежали П.А. Валуев и М.Х. Рейтерн, резко отрицательно высказывались против завоевания.

Комментарии

Наиболее значительными государственными образованиями в Средней Азии к середине XIX в. были Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства, которые постоянно конфликтовали друг с другом. Центр Бухарского эмирата находился в междуречье Амударьи и Сырдарьи, Коканда — в среднем течении Сырдарьи (Ферганская долина), Хивы — в низовьях Амударьи (Хорезм). Крупнейший торговый город на севере региона — Ташкент — с конца XVIII в. находился под властью Коканда. К западу от Амударьи обитали кочевые туркменские племена, сохранившие в большинстве своем политическую независимость. Хозяйство тогдашней Средней Азии носило в целом стагнационный характер, промышленность пребывала на уровне ремесленного производства, технологии земледелия и скотоводства были крайне рутинными. В политической жизни Бухары, Коканда и Хивы господствовал деспотический произвол, всюду отсутствовали какие-либо гарантии неприкосновенности собственности (за исключением имущества мусульманских духовных учреждений) и личности. Начиная со времени Петра I в России все чаще ставился вопрос о присоединении Средней Азии. На характер реализации этой идеи наложило большой отпечаток англо-русское соперничество на Востоке. Оно резко стимулировало стремление правящих кругов Российской империи опередить казавшийся им возможным захват британцами центра Азии.

[i] Терентьев Михаил Африканович (1837—1909) — генерал-лейтенант Генерального штаба. Участник Крымской войны 1853—1856 гг., «туркестанских походов», русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Автор фундаментальных трудов по истории, филологии и лексике тюркских языков народов Центральной Азии. См.: Русские военные востоковеды до 1917 г.: Биобиблиографический словарь / Автор-составитель М.К. Басханов. М., 2005. С. 233—235.

Гродеков Николай Иванович (1843—1913) — генерал от инфантерии. Участник «туркестанских походов», русско-турецкой войны 1877—1878 гг., русско-китайской войны 1900 г. Во время Ахалтекинской экспедиции 1880—1881 гг. начальник штаба войск М.Д. Скобелева. Был противником какого-либо вмешательства в дела Афганистана, считая последствия этого крайне опасными для России. В 1883—1893 гг. военный губернатор Сырдарьинской области. В 1896—1906 гг. приамурский генерал-губернатор и командующий войсками Приамурского округа, в 1906—1908 гг. генерал-губернатор Туркестана и командующий войсками Туркестанского округа. Автор классических работ по истории завоевании Россией Средней Азии, научный редактор и составитель трудов по обычному и мусульманскому праву. См.: Русские военные востоковеды до 1917 г. С. 67—68.

[ii] В 1857—1858 гг., помимо экспедиций Игнатьева и Ханыкова, была отправлена также экспедиция Ч. Валиханова в Кашгар (Китайский Туркестан).

[iii] Азиатский департамент (с 1897 г. Первый департамент) — подразделение Министерства иностранных дел, ведавшее восточным направлением внешней политики России.

Ковалевский Егор Петрович (1811—1868) — русский дипломат, литератор и путешественник. Участник Хивинского похода 1839—1840 гг. Крупный исследователь стран Северной Африки, Ближнего и Дальнего Востока, Балканского полуострова. В 1856—1861 гг. директор Азиатского департамента.

[iv] Ханом Хивы был в то время Сеид-Мухаммед (1856—1861), эмиром Бухары — Насрулла (1827—1860).

[v] Сибирская линия в середине XIX в. представляла собой цепь укрепленных русских постов от Семипалатинска до Верного (ныне — Алма-Аты). Оренбургская линия — подобная сеть крепостей и укрепленных постов, которая с XVIII в. шла южнее Оренбурга (через Соль-Илецк).

[vi] Перовский Василий Алексеевич (1795—1857), граф, генерал-адъютант. Участник Отечественной войны 1812 г. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. В 1832—1842 гг. оренбургский генерал-губернатор. Организатор и руководитель завершившегося неудачей Хивинского похода 1839—1840 гг. В 1851—1857 гг. оренбургский и самарский генерал-губернатор. См.: Василий Алексеевич Перовский: Документы. Письма. Воспоминания. Оренбург, 1999.

Ак-Мечеть основана в 1820-х гг. как кокандская крепость. С 1853 г. Перовск, с 1925 г. Кзыл-Орда, в наши дни областной центр Республики Казахстан.

Гасфорд Густав Христианович (1794—1874) — генерал от инфантерии. Участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов 1813—1814 гг., Кавказской войны, подавления Польского восстания 1830—1831 гг. и Венгерского восстания 1849 г. В 1851—1861 гг. генерал-губернатор Западной Сибири и командующий Отдельным сибирским корпусом. Отличался чрезвычайной эксцентричностью в предлагаемых им проектах преобразований. Активный сторонник наступательной политики в Средней Азии. См.: *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 56—57.

[vii] Катенин Александр Андреевич (1800—1860) — генерал-адъютант. Участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и подавления Польского восстания 1830—1831 гг. В 1857—1860 гг. оренбургский и самарский генерал-губернатор. См.: Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 230—238.

Джулек — кокандская крепость на р. Сырдарья, основанная в 1820-х гг., позднее — одноименное русское укрепление. *См.: Масальский В.И.* Туркенстанский край. СПб., 1913. С. 598—599.

Пишкек — кокандский укрепленный пункт, ныне город Бишкек — столица Республики Кыргызстан.

[viii] Безак Александр Павлович (1801—1868) — генерал-адъютант. Участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и подавления Польского восстания 1830—1831 гг. В 1860—1865 гг. оренбургский и самарский генерал-губернатор. См.: Губернаторы Оренбургского края. С. 239—250.

[ix] Туркестан — город в южном Казахстане, вблизи которого находится важная мусульманская святыня — мавзолей шейха Ходжа Ахмада Ясави (XIV в.).

Дюгамель Александр Осипович (1801—1880) — генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Выполнял дипломатические миссии в Египте, Иране и на Балканах. В 1861—1866 гг. генерал-губернатор Западной Сибири и командующий Отдельным сибирским корпусом, с 1865 г. командующий войсками Западно-Сибирского военного округа. См.: Русский биографический словарь. Т. 6: [Добелов-Дядьковский]. СПб., 1905. С. 740. Д.А. Милютин критически относился к фигуре и деятельности Дюгамеля и характеризовал его как «воплощение инерции» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 9. Д. 13. Л. 627).

Аулиэ-Ата (в советское время — Джамбул, ныне — Тараз) — город в Южном Казахстане, ныне областной центр Республики Казахстан.

[x] Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898) — генерал от инфантерии. Участник Крымской войны 1853—1856 гг. и «туркестанских походов». В 1865—1866 гг. военный губернатор Туркестанской области. После своего отзыва из Средней Азии на протяжении многих лет — постоянный и яростный критик деятельности Д.А. Милютина и первого генерал-губернатора Туркестана К.П. Кауфмана. В 1882—1884 гг.

занимал посты туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа. Его самодурство и непредсказуемость неоднократно вызывали конфликты и с собственными подчиненными, и с петербургским начальством, итогом чего стал новый, на этот раз окончательный отзыв Черняева из Средней Азии. См.: *Глущенко Е.А.* Герои Империи: Портреты российских колониальных деятелей. СПб., 2001. С. 344—453.

Кокандская крепость Сузак, как и крепость Джулек, находилась юго-восточнее Ак-Мечети.

[xi] Полторацкий Владимир Александрович (1830—1886) — генерал-майор Генерального штаба. В 1863—1868 гг. руководил ведением «азиатских дел» в Военном министерстве, с 1868 г. военный губернатор Семипалатинской области. Автор работ по географии восточных регионов Средней Азии. См.: Русские военные востоковеды до 1917 г. С. 186—187.

[xii] Залесов Николай Гаврилович (1828—1896) — генерал от инфантерии. В 1862—1863 гг. обер-квартирмейстер Отдельного оренбургского корпуса, в 1867—1873 гг. начальник штаба Оренбургского военного округа. Автор работ о дипломатических связях России с Бухарой и Хивой. См.: Русские военные востоковеды до 1917 г. С. 88—89.

[xiii] Чимкент (современный Шымкент) — город на юге Казахстана, ныне областной центр.

[xiv] Петропавловск — город на северо-востоке Казахстана; Троицк — город на Южном Урале. Оба являлись важными центрами торговли стран Центральной Азии с Россией.

Киргизы — устаревшее название кочевого тюркоязычного населения Центральной Азии, предков современных казахов.

[xv] Данная Горчаковым оценка образа жизни предков современных киргизов (коренного населения Республики Кыргызстан) была вызвана тем, что одной из основ их традиционного существования была так называемая баранта (захват скота и другой добычи у соседей, в том числе и соплеменников). По словам знатока этнографии народов Средней Азии середины XIX — начала XX в. В.П. Наливкина, эти набеги были «не столько профессиональным грабежом, сколько издревле облюбованным средством проявить свою удаль». См.: *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь (1913 г.) // Мусульманская Средняя Азия: традиционализм и XX век. М., 2004. С. 28.

[xvi] Крыжановский Николай Андреевич (1818—1888) — генерал-адъютант. Участник Крымской войны. В 1865—1881 гг. оренбургский генерал-губернатор. См.: Губернаторы Оренбургского края. С. 252—264.

[xvii] Имелся в виду эмир Бухары Музаффар (1860—1865).

[xviii] Романовский Дмитрий Ильич (1825—1905?) — генерал-майор. Участник Кавказской и Крымской войн. В 1862—1863 гг. главный редактор органа Военного министерства — газеты «Русский инвалид». В 1866—1867 гг. военный губернатор Туркестанской области. Автор работ по истории завоевания Россией Кавказа и Туркестана и географических исследований в Центральной Азии. См.: Русские военные востоковеды до 1917 г. С. 206.

[xix] Туркестанская область — административная единица Российской империи с центром в Ташкенте. Существовала с 1865 г. по 11 июля 1867 г., когда была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство. См.: Губернии Российской империи. История и руководители: 1708—1917. М., 2003. С. 395.

[xx] Нау — небольшая крепость, Ходжент (ныне Худжанд) — город в Ферганской долине, в наши дни областной центр Республики Таджикистан.

[xxi] Имелся в виду кокандский хан Худояр (1845—1858, 1862—1863, 1866—1875).

[xxii] Наманган — город в Ферганской долине, в наши дни областной центр Республики Узбекистан.

[xxiii] Ура-Тюбе — город в Ферганской долине, ныне находится в республике Узбекистан.

Джизак — город на пути между Ташкентом и Самаркандом. В 1866 г. входил в состав Бухарского ханства, в наши дни областной центр Республики Узбекистан.

[xxiv] Стремоухов Петр Николаевич (1823—1885) — русский дипломат, действительный тайный советник. В 1842—1875 гг. служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, с 1864 г. его директор. См.: Русский биографический словарь. Т. 19: [Смеловский — Суворин]. СПб., 1909. С. 465.

[xxv] Кауфман Константин Петрович, фон (1818—1882) — генерал-адъютант. Участник Кавказской войны. В 1867—1882 гг. первый генерал-губернатор Туркестана и командующий войсками Туркестанского военного округа. Сыграл значительную роль в расширении территории и организации русских владений в Средней Азии. См.: *Васильев Д.В.* Устроитель туркестанского края: (к биографии К.П. фон Кауфмана) // Сборник РИО. М., 2002. Т. 5 (153).

[xxvi] Абрамов Александр Константинович — подполковник, позднее генерал-лейтенант. В 1877—1883 гг. военный губернатор Ферганской области.

[xxvii] Шахрисябз — город в бассейне р. Кашкадарьи, находится к югу от Самарканда; Кундуз — область в верховьях р. Амударьи. Владение ими играло важную роль в контроле над стратегическими путями в Средней Азии.

[xxviii] Кунград — город на левом берегу р. Амударьи, ныне районный центр Каракалпакстана (Республика Узбекистан).

[xxix] Форт Александровский (до 1857 г. Новопетровское, с 1939 г. Форт-Шевченко, ныне Актау) находится на восточном берегу Каспийского моря (в настоящее время — на территории Республики Казахстан).

[xxx] Азиатская часть Главного штаба была образована в 1868 г., курировала военно-дипломатическую и военно-разведывательную деятельность России на Востоке, выполняла ряд административных функций, в частности, фактически осуществляла управление из Петербурга делами Туркестанского края (формально подчиненного непосредственно военному министру).

Проценко Александр Петрович (1836—?) — генерал-лейтенант Генерального штаба. В 1868—1878 гг. и 1891—1898 гг. заведующий Азиатской частью Главного штаба. Автор цикла работ по географии и военной топографии стран стран Центральной Азии. См.: Русские военные востоковеды до 1917 г. С. 196.

[xxxi] Текст заключенного Кауфманом так называемого Гендемианского договора с Хивой от 12 августа 1873 г. см.: История Средней Азии. М., 2003. С. 231—235.

[xxxii] О подготовке данной экспедиции см.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: Сб. архивных док-тов. М., 2005.

[xxxiii] Об Ахалтекинской экспедиции 1880—1881 гг. и руководстве ею генералом М.Д. Скобелевым см.: *Глущенко Е.А.* Указ. соч. С. 261—307.

[xxxiv] В постсоветское время отечественными исследователями ставится вопрос не столько о примате экономического или политического факторов в ходе присоединения Туркестана (как и Кавказа), сколько о финансовой рентабельности владения данными территориями. Более подробно об этом сюжете см.: *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801—1917. М., 2006. С. 137—164, 245—304.

Петр Андреевич Зайончковский.
Сборник статей и воспоминаний к столетию историка

Редактор А.А. Комзолова

Художественный редактор А.К. Сорокин

Компьютерная верстка Ю.В. Балабанов

Художественное оформление А.В. Кубанов

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Пописано в печать 18.10.2007.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 55. Тираж 800 экз. Заказ № 2091

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д.82. Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6